

INSPIRIA

Е Л Е Н А Х А Н Т И Н Г

СЕКРЕТ

ЗА

СЕКРЕТ

18+

INSPIRIA

Елена Хантинг
Секрет за секрет
Серия «Passion. Горячая трилогия
Елены Хантинг», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66730102
Секрет за секрет: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-161725-7

Аннотация

Райан Кингстон всегда считал себя здравомыслящим мужчиной. Профессиональный спортсмен, хоккеист, совсем не тот типаж, кто может затеять пьяную драку или подцепить в баре девушку на одну ночь.

Но эта ночь стала особенной, поначалу – не в лучшем смысле. Кингстон узнает, что его семья скрывала от него правду о его происхождении. Как тут не пуститься во все тяжкие?

Компанию ему составляет случайная знакомая по имени Куини, у которой тоже ворох проблем, и она не прочь забыться.

Похоже, это любовь с первого взгляда. Увы, наутро Куини ускользает от Кингстона по-английски. Когда он видит ее в следующий раз, оказывается, что подойди он к ней хоть на шаг – лишится карьеры, и это как минимум. Но он не привык сдаваться.

Содержание

Пролог	10
Глава 1	19
Глава 2	28
Глава 3	44
Глава 4	52
Глава 5	59
Глава 6	74
Глава 7	81
Глава 8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Елена Хантинг

Секрет за секрет

Helena Hunting

A SECRET FOR A SECRET

Copyright © 2020 by Helena Hunting

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Pressmaster, Sjale / Shutterstock.com В оформлении суперобложки и авантитула использована фотография:
© Roman Samborskyi / Shutterstock.com Пиктограммы на форзаце: © Palsur, Buternkov Aleksei / Shutterstock.com Используются по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского Ольги Мышаковой

Художественное оформление Петра Петрова

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2022

* * *

HELENA HUNTING

A SECRET
FOR
A SECRET

Е Л Е Н А Х А Н Т И Н Г

СЕКРЕТ
ЗА
СЕКРЕТ

INSPIRIA

Москва
2022

*Всем мятежным душам, ищущим покоя в
бурях, и тем, кому подавай немного хаоса, чтобы
разбавить спокойствие*

Пролог

Проблемы с матерью

Кингстон

Передо мной стояли шесть бокалов – от очень дорогого скотча до какого-то приторного фруктового коктейля «здравствуй, кариес», но даже из такого ассортимента я никак не мог выбрать (в основном потому, что я вообще не поклонник алкоголя). В итоге я отпил по глотку из каждого.

Мое внимание привлёк негромкий, но выразительный женский голос.

– Простите, здесь занято?

(Слева от меня был свободный стул.)

Серо-голубые глаза, подведенные темно-синим карандашом, смело уставились на меня, выдержав мой взгляд, но я успел заметить, что говорившая совсем небольшого роста и очень хороша собой – длинные каштановые волосы, забранные в небрежный конский хвост, высокие скулы, полные губы, густые ресницы, не тронутые тушью. Но мне бросилась в глаза не только ее красота, но и грусть.

Настроение у нас было под стать друг другу.

– Гм, нет, полностью свободно.

Несмотря на дурное расположение духа, я отодвинулся и встал, освобождая место, потому что стулья были сдвинуты вплотную.

Девушка уселась на соседний стул, прежде чем я успел предложить свою помощь, и протянула руку.

– Куини.

Когда ее ладонь легла в мою, от этого прикосновения меня словно тряхнуло током. Глаза девушки вспыхнули, и мне невольно подумалось, не почувствовала ли и она то же самое. Или в воздухе тут что-то этакое?

– Куини?¹ – улыбнулся я. – Райан.

Не знаю, почему я так представился. Райаном меня зовут только родители, для остального мира, даже для брата и сестры, я исключительно Кингстон. Отчасти из-за профессии – в хоккее игроков запоминают по фамилии... Но исправляться было поздно. А может, я не назвался Кингстоном потому, что в свете сегодняшних открытий самая моя личность, мое привычное «я» оказались под вопросом.

– Привет, Райан. – Куини на секунду опустила взгляд, но тут же снова вскинула глаза. Отчего-то ни я, ни она не торопились разомкнуть рукопожатие, и я неотрывно смотрел на девушку.

Наконец я выпустил ее руку и немедленно ощутил желание найти причину снова прикоснуться к Куини.

¹ Куини (Queenie) – королева (англ.). (Здесь и далее примечания переводчика.)

Тут бармен заметил новую клиентку и подошел. Я пододвинул стул и снова сел, пока Куини диктовала заказ:

– Мне водку-мартини. Побольше водки и оливок побольше, пожалуйста... А лучше налейте сразу два бокала.

Брови бармена поползли на лоб, однако он достал шейкер и потянулся к бутылке водки на полке. Куини остановила его и попросила налить «той, что под рукой». Я не вполне уловил разницу между этими двумя подвидами, но брови бармена поднялись уже к самым волосам. Он наполнил два конических бокала и опустил в каждый шпажку с нанизанными оливками. Перед тем как отойти, бармен повернулся ко мне:

– У вас пока есть?

– Да, вполне, благодарю вас.

Помня о приличиях, я старался не глазеть на Куини, но мне было прекрасно видно ее отражение в зеркале за стойкой. Куини отпила глоток из одного бокала и поморщилась, пригубила второй и тоже скорчила гримаску. Переложив шпажку с оливками в первый бокал, она в два глотка осушила второй.

Согнувшись, она отвернулась и закашлялась в согнутый локоть.

– Все в порядке? – спросил я.

Все еще кашляя, Куини подняла палец. Когда она наконец обернулась, глаза у нее были мокрые, а щеки порозовели.

– Все отлично. Водка жесткая...

– Оу. – Я совсем не разбираюсь в водках. – Тогда почему

вы не попросили другую?

— Потому что другая вдвое дороже, а я только что потеряла работу и вынуждена надираться дешевым пойлом. — Взяв шпажку из второго бокала, Куини бросила оливку в рот.

— Сочувствую вашей потере... работы.

Куини снова невесело улыбнулась.

— Спасибо, но я там все равно не справлялась. Да и в официантках бегать — не предел моих мечтаний... Это как холодный душ, чтобы собраться и всерьез задуматься, чего я хочу от жизни. — Она кивнула на шеренгу моих бокалов: — А у тебя что стряслось?

— Я тоже пытаюсь напиться.

— Так для этого хотя бы пить надо.

— Это верно, но я небольшой любитель алкоголя, — признался я.

Куини внимательно оглядела меня, и ее лицо вновь осветила улыбка.

— Не стану врать, что я удивлена. Ты будто шел на собрание бойскаутов, но малость заблудился.

— Да, я был бойскаутом, — я невольно провел рукой по груди. Я был в белой рубашке поло и в слаксах, как обычно. — Лет в пятнадцать даже сделался вожатым.

Куини захохотала, откинув голову.

— Ну, ты зайка! Я в хорошем смысле... — она подперла щеку кулаком. — Расскажи, почему бывший бойскаут и вожатый вынужден напиваться в одиночку?

– Это несколько сложно, – я взял один из стоявших передо мной бокалов и сделал большой глоток.

– Сложность – мое второе имя. Валяй, выкладывай!

Я прикусил кончик языка и помолчал несколько секунд, колеблясь.

– Скорее, все очень сложно.

– Ничего, у меня тоже все сложно. Давай вот как: ты рассказываешь, почему пытаешься напиться, а я расскажу, почему у меня прорва сложностей помимо потери работы. – Она выставила вперед мизинец: – И поклянемся унести в могилу все, что мы сегодня услышим!

Я взялся согнутым мизинцем за ее пальчик и снова ощутил толчок странной энергии. Так бывает перед грозой, когда воздух насыщен электричеством.

– Секрет за секрет?

– Вот именно.

– Ну ладно, – кивнул я и коротко выдохнул, набираясь решимости. С незнакомкой, пожалуй, действительно легче откровенничать. Я наклонился, почти касаясь губами уха Куини, и тихо произнес: – Я узнал, что моя старшая сестра на самом деле моя мама.

Куини подалась назад, часто заморгав.

– Чего-чего?!

– Моя сестра на самом деле...

Она замахала рукой.

– Да я слышала, слышала... Господи, даже не знаю, что

на это сказать. И как тебе?.. Ох, не отвечай, глупый вопрос. Конечно, тебе фигово. Хочешь, э-э, поговорить об этом?

– Честно говоря, не очень. Это ничего? – мне было почти неловко, что я не хочу пускаться в откровенность, притом что на лице Куини читалось искреннее беспокойство. Мне даже стало чуть легче при виде ее шока и явного сочувствия.

– Конечно, ничего! Да, это истощающе объясняет твою батарею коктейлей... – Она пожевала губу изнутри. – По сравнению с твоим мой секрет покажется ерундовым.

– Уверен, что это не так, но можешь не говорить, если не хочешь.

Я бы не удивился, если бы после моего саморазоблачения девушка допила второй martini и ушла.

– Еще как хочу! Сказать, я имела в виду, – махнув чуть не половину бокала, Куини выдохнула: – У меня зависимость.

– Алкогольная?

Куини снова захохотала:

– О, я тебя сейчас расцелую! – И глаза у нее расширились. – То есть я хотела сказать, что ты классный – как скажешь, так... Алкогольной зависимости у меня нет, просто сегодня без выпивки не обойтись. Я завишу от отца.

– Но... это же неплохо?

Куини бросила в рот новую оливку и принялась задумчиво жевать.

– Я родилась, когда ему было всего двадцать, и в итоге папа растил меня один. Представляешь амплитуду проб и оши-

бок, когда поднимаешь ребенка в одиночку? Я всегда умела вляпываться в истории, папа меня неизменно выручал, и получилось, что я цепляюсь за эту зависимость, а папа ее подпитывает, сам того не желая... – Куини сморщила нос. – Извини, что грузю своими проблемами, у тебя сейчас и так выше крыши.

– Не извиняйся, мне даже легче от сознания, что сложности не у меня одного.

– Никогда еще не признавалась в этом вслух. Слушай, а приятно выговориться, даже незнакомцу, если ты понимаешь, о чем я...

– О да, на редкость приятно... Выговориться, я имел в виду.

Меня не покидало чувство, будто сама судьба свела нас сегодня по некой причине высшего порядка, и я отважился на новое признание.

– Я тоже появился на свет в результате подростковой беременности, но биологического отца знать не знал – бабушка с бабушкой решили воспитывать меня как своего сына, чтобы дать моей сестре, то есть матери, и мне шанс на нормальную жизнь.

– Похоже, у нас обеих проблемы с мамашами.

– Пожалуй, – согласился я.

– А знаешь, Райан, что делают в таких случаях? – В глазах Куини заплескали лукавые огоньки. Раньше я бы от таких поспешил закрыться.

– Что?

– Ты готов напиться и забыть о проблемах с матерью хотя бы на сегодня?

– Всегда готов.

Куини пододвинула мне мой скотч и звякнула о него своим бокалом.

– Когда уговорим твою шеренгу, будем заказывать по стопочке.

* * *

Голова буквально раскалывалась.

Только раз в жизни я просыпался с подобным похмельем – в семнадцать лет. С трудом разлепив веки, я застонал: солнце, заливавшее спальню, чуть не взорвало глазные яблоки. Я провел рукой по лицу – и замер.

Рука пахла сексом.

Я повел глазами вправо, увидел скомканные простыни и примятую подушку, перекатился на бок, отчего во мне поднялась тошнота, и вдохнул легкий сладкий запах ванильного шампуня.

Куини.

Уговорив мои коктейли, мы действительно начали заказывать по стопочке. Учитывая мое настроение, это было не лучшей идеей...

А потом я привез ее домой.

Отбросив одеяло, я сел. Оказалось, я совершенно голый. Это тоже нетипично – обычно я сплю в футболке и спортивных трусах. Я подобрал с пола вчерашние трусы и натянул, собираясь отправиться на поиски Куини.

Я направился в коридор, когда мое внимание привлек ярко-желтый стикер на дверном косяке: «Спасибо, что вчера помог отвлечься от проблем с мамашей. И сегодня утром тоже помог:). Целую-обнимаю, Куини».

Я снял стикер, надеясь, что сзади она написала свой телефон, но там было пусто. Только тут я заметил клочок ткани, висевший на дверной ручке. Расправив его, я увидел, что это женское белье.

А конкретнее, стринги. Разорванные.

Вот в этом, именно в этом, и кроется причина, отчего я вообще не пью и не вожу домой случайных знакомых, – потому что я ощутил груз вины и одновременно чуть не умер от стыда, раз вчерашняя сессия секс-терапии заслужила только прощальную записку на стикере.

Глава 1

Первый день

Куини (Шесть недель спустя)

– Милая, ты готова? Мы должны были выйти пять минут назад!

– Иду! – Я сунула ноги в туфли, бросила взгляд в зеркало, проверила, что взяла и сумку с ноутбуком, и другую сумку, и бегом побежала через холл. Меньше всего мне хотелось задерживать начальника в первый день работы в качестве его персональной помощницы.

Он стоял в кухне – аккуратно причесанные темные волосы, спортивная фигура, прекрасный темно-синий костюм, серый галстук того же оттенка, что и глаза, и начинавшие серебриться виски (седину я никогда не комментировала). В целом вид у него был куда более собранный и деловой, чем я себя ощущала. Он поднял голову, оторвавшись от телефона, и его улыбка дрогнула.

– Что это на тебе?

– Это называется платье.

Мое платье было темно-синим, в тон его костюму, с рукавами-фонариками, стянутое в талии поясом. Классическое,

простое и стильное, как сказала продавщица, когда я примерила его на прошлой неделе и оплатила кредиткой моего босса – выгодные стороны совместного проживания с руководителем.

– Может, лучше наденешь брюки?

Я подбоченилась.

– А не ты только что кричал, что я должна поторопиться?

С какой стати мне переодеваться?

Он помахал рукой вверх-вниз.

– Это вид не для работы.

Пришла моя очередь расстраиваться.

– Как не для работы? Тут вот и рукава, и вырез под горло, и юбка ниже колен. Я выгляжу абсолютно профессионально!

– Ты будешь находиться в комнате, полной спортсменов от двадцати до тридцати лет.

– Среди них будут и мужчины за сорок, – я указала на своего собеседника.

– Это ты к чему? – он наклонил голову, глядя на меня со смутным неудовольствием.

– Не притворяйся, будто не понимаешь, в чем дело!

Для меня «дело» было предельно ясным. Платье село на мне хорошо, подчеркнув фигуру. Вид у меня был деловой, разве что чуточку сексуальный. Но я была полностью прикрыта одеждой, не считая рук – и ног от коленей до щиколоток.

– А сейчас не шестнадцатый век! Что мне, джутовый мешок натянуть? Или ты намекаешь, что эти парни настолько неотесанны, что не смогут сдержаться в присутствии женщины? Я имею право носить то, что мне, блин, по вкусу, а вкус у меня хороший! Это платье можно носить на работу, а парни, как только узнают, что я твоя дочь, будут шарахаться от меня, как от чумы, особенно если ты вот так нахмуришься! – Я ткнула отца в щеку. – Перестань быть старомодным и душить меня гиперопекой, не то мы опоздаем! – Я взяла термокружки с кофе, который сварила утром, и пошла к выходу.

Папа вздохнул, понимая, что ему меня не переспорить. Мне двадцать четыре года, я спортивная, с хорошей женственной фигурой. Не собираюсь скрываться под мешковатыми одеждами только потому, что мужчины могут мою фигуру оценить! Хотя и отдаю себе отчет в том, что отцу такая перспектива очень не понравится.

Сзади папа запер дверь, и его «Тесла» пискнула, когда он нажал кнопку на брелоке.

Мой отец – генеральный менеджер сборной Сиэтла по хоккею. В юности он, что называется, подавал надежды, играя в минорных дивизионах, и почти дождался вызова в Национальную лигу, но ненароком заделал ребенка и стал папашей в цветущем двадцатилетнем возрасте. Мое рождение все изменило, особенно когда мамаша решила, что не готова обречь себя на домашнюю каторгу, и сбежала, оставив меня отцу.

Папа все равно мог бы играть в НХЛ – на время выездных игр со мной оставались бы дедушка с бабушкой, но он не хотел, чтобы я росла сиротой при живых родителях. Мама-ша из моей жизни фактически устранилась, и к моему второму дню рождения папа оформил полную опеку, расставшись с мечтой играть в высшей лиге и поступив на рядовую административную должность.

Много лет он карабкался по служебной лестнице, выбирая должности, не связанные с командировками.

Уникальный шанс представился, когда в Сиэтле создали собственную сборную, и папе предложили стать ее генеральным менеджером. Мы тогда жили во Флориде, я уже успела сменить колледж (потеряв целый семестр), поэтому решила остаться, стремясь доказать, что я уже взрослая. А еще мне хотелось, чтобы папа в кои-то веки подумал о себе. Он был крайне недоволен, что я осталась на другом конце страны (честно говоря, мне это тоже не понравилось), но я хотела, чтобы у отца появилась личная жизнь, а не только вечные хлопоты обо мне.

Я продолжала учебу во Флориде. Какое-то время у меня получалось, а потом перестало получаться. До диплома оставался один семестр, когда все в очередной раз полетело к чертям.

И я рванула в Сиэтл, потому что здесь жил мой папа.

Мне удалось найти работу и подыскать квартиру без его помощи – неважнецкую работу и такого же достоинства

квартиру, зато самостоятельно. Я искала и колледж, но не нашла ничего по душе. И все равно я жила нормально, пока меня снова не уволили, и все начинания засохли на корню. Я переехала к папе в гостевой домик и поступила к нему в личные помощницы, чтобы постепенно разобраться, к чему себя применить.

– Мне к тебе обращаться «мистер Мастерсон» или «Джейк»? – спросила я, когда мы покинули еще сонный пригород и свернули к спорткомплексу.

Папа нахмурил брови в десятый раз за утро. Да, на этот раз я свалилась ему как снег на голову. В юности я уже у него работала – выполняла мелкие поручения и приносила кофе, но сейчас все иначе. Я взрослая женщина, которой полагается быть самодостаточной, однако воз и ныне там. А еще, как ни близки мы с отцом, жизнь под его кровом и ежедневная работа бок о бок с ним скоро начнут напрягать нас обоих.

– Ты шутишь? – предположил он, вновь сосредоточившись на дороге.

– Не могу же я звать тебя папой в присутствии твоих коллег и хоккеистов!

Папины руки, державшие руль, немного расслабились.

– Можешь.

Да, притирка обещала быть на редкость жесткой.

– А разве это профессионально?

Папа, дернув щекой, вздохнул.

– Ну, ладно. Ко мне все обращаются «Джейк», ты тоже мо-

жешь так меня называть, но только при посторонних, в иных случаях я для тебя папа. Ребята у нас в основном хорошие, хотя отдельные экземпляры успели засветиться в соцсетях как отъявленные кобели.

– Усвоила. «Джейк» в присутствии хоккеистов, в других случаях «папа», кобелей обходить десятой дорогой.

– С хоккеистами и персоналом тоже не крутить, – внушительно добавил отец.

– Это правило для всех или только мне такие строгости? – не без ехидства поинтересовалась я, не зная почему.

– Это неофициальная политика, а не правило. Мы-то с тобой знаем, как сильно ты любишь правила, – чуть усмехнулся папа.

– Не волнуйся, пап, не буду я встречаться с твоими игроками!

У меня когда-то были отношения с хоккеистом, настолько незабываемые, что я с первого курса колледжа и до сих пор видеть не могу хоккей.

– Говоря откровенно, я не за тебя беспокоюсь. Ты красавица, вся в мать, а в ее присутствии парни теряли головы.

Я сердито уставилась на отца.

– Вот обязательно надо меня с ней сравнивать?

– Прости, я никоим образом не хотел тебя задеть. Речь исключительно о том, что внешностью ты удалась в мамашу, – папа примирительно потрепал меня по плечу.

– Жаль, что не только внешностью, – буркнула я.

Наше сходство для меня – источник постоянного раздражения. Ладно бы только внешность, но я унаследовала от родительницы массу куда менее приглядных качеств. В частности, привычку непременно делать неправильный выбор.

Мамаша всегда была малость без руля и без ветрил, вечно перескакивала с места на место и с мужика на мужика. Мной она не интересовалась. Правда, когда я училась в колледже во Флориде, она вдруг ненадолго оживила общение. Мамаша всегда умела забраться мне под кожу, и ее ехидные уколы, как от игл дикобраза, всякий раз оказывались болезненными и заживали очень долго.

Именно из-за нее я на последнем семестре бросила учебу на факультетах психологии и живописи. Маман мне все уши прожужжала – дескать, я зря трачу отцовские деньги на бесполезные дипломы, мои картины в жизни не возьмут ни в одну галерею, а помогать людям – так для этого сперва самой надо крышу на место привинтить. По ее мнению, мне надо было в темпе искать стоящего мужика и не возникать. Больше я с ней не разговаривала.

Я презираю себя за то, что я ей поверила и последовала ее совету: удрала домой, под надежное папино крыло. Хуже того, я так ужаснулась своей мнимой бесполезности, что даже не стала заканчивать обучение.

В этом году я собиралась на какие-то бизнес-курсы – весьма практичное решение, но с ведомостью о моей успеваемости произошла какая-то путаница, а когда проблема реши-

лась, оказалось, что я опоздала с подачей заявления и попала в лист ожидания. Оценки у меня приличные, но в программу принимали на конкурсной основе, плюс экономика и бизнес у меня особого интереса не вызывали, поэтому, пожалуй, и лучше, что меня не взяли.

– Тебе всего двадцать четыре года, – мягко сказал папа. – У тебя масса времени найти занятие по душе, Куини. Я не хочу, чтобы ты за что-то бралась лишь ради высокооплачиваемой работы в перспективе. Деньги – не главное. Занимайся любимым делом, а об остальном я позабочусь.

– Еще бы понять, какое дело у меня любимое...

Я понимала, что папа хочет как лучше и что мы можем положиться друг на друга, но нельзя же, чтобы отец всю жизнь обо мне заботился, как об избалованной бездельнице. Ему всего сорок четыре года, волосы у него даже не начинали редеть, и физически он в прекрасной форме. Добавьте к этому замечательный характер и убийственное чувство юмора, и вы поймете, как здорово будет, если найдется женщина, которая все это оценит. Вечера мы неизменно проводим вдвоем, из чего я делаю вывод – у папы никого нет. У него даже приложение для знакомств на телефоне не установлено.

– Ничего, разберешься. А пока придется тебе проводить больше времени со своим папкой. Сплошные плюсы во всех отношениях, не правда ли?

– Еще какие, папуль, – искренне согласилась я. Ну, почти искренне. Я обожаю проводить время с отцом, но мне отче-

го-то казалось, что работа с ним не будет синекурой.

Глава 2

Чья-то дочка

Кингстон

– Привет, *мамстра*. Как твое ничего?

Ханна со смехом покачала головой.

– А мне теперь обращаться к тебе «брасын» или «сы-брат»?

– Я сразу сказал, это прозвище к тебе прилипнет.

– Как жвачка?

Я на минуту прекратил мыть посуду после завтрака и многозначительно поглядел ей в глаза на экране телефона.

– Если тебе неприятно, я больше не стану тебя так называть, Ханна.

– Отчего же, мне даже нравится...

– В эту паузу так и просится «но», – я поставил вымытую тарелку из-под овсяных хлопьев на сушку. Утренние видеочаты минимум дважды в неделю стали нашей традицией. Психотерапевт назвала их отличной возможностью пообщаться наедине и свыкнуться с новой реальностью, но на деле мы, скорее, внутренне перемалывали неловкость и странность самого события и разоблачения. Ничего не измени-

лось — и вместе с тем изменилось все.

— Слишком мы хорошо друг друга знаем, — вздохнула Ханна и пригубила кофе. — Видишь ли, я не хочу, чтобы мама вбила себе в голову, будто мы умаляем ее роль. И потом, разве я заслуживаю особого названия, с учетом всего?

— Ты заслуживаешь самого лучшего, в том числе особого названия. Мы с тобой всегда были дружны, никакого ущерба маминой роли наши разговоры не наносят. Можно просто не афишировать «мамстру», если тебе так проще.

Ханна тихо засмеялась.

— Надо же, как ты рассуждаешь! Кто из нас мама, а кто ребенок? Это я должна тебя морально поддерживать, а на деле выходит, что меня ободряешь ты.

— Тебе порядком потрепали нервы, а у меня в жизни появилась не одна, а сразу две прекрасные мамы, то есть твоя потеря обернулась для меня существенным выигрышем. Поэтому мы с тобой по-разному относимся к этому... открытию.

— Ты, как всегда, держишься стойким оловянным солдатиком... Я позвонила не для того, чтобы вести философскую дискуссию насчет «мамстры», — просто хотела пожелать тебе доброго утра. Как настроение по поводу начала сезона?

Я выдернул пробку, выпуская воду из раковины, и принялся вытирать губкой металлические стенки.

— Настроение неплохое. Вчера я был несколько выбит из колеи, но в целом все прекрасно. Летом мы много трениро-

вались – хватило времени сыгратся. Надеюсь, наша сборная покажет на льду хорошие результаты.

– Твой приятель с капитаном вашей команды еще ладят? Помнится, раньше они бурно пылили...

– О да, Бишоп с Руком стали друзьями, за исключением мелочей. Бишоп всегда останется Бишопом, понятие такта для него – темный лес, но соперничество на льду уже в прошлом, отчего команда только выиграла.

– Рада слышать. Ты тогда здорово переживал...

– Ну, мы-то с тобой знаем, как я «люблю» внутренний разлад!

Мы посмеялись, потому что я на сто процентов такой человек, который сразу берется решать возникшую проблему. Поэтому-то я и взял Ханне билет на самолет на другой же день после того, как узнал, что она моя биологическая мать. Мы объяснились, а потом, когда оба были готовы (насколько это в принципе возможно), полетели в Теннесси и объяснились с семьей. Так уж у нас заведено – нечего позволять ранам гноиться, нарывы полагается срочно вскрывать и чистить, пусть это и больно. В нашем случае больно было не то слово, хотя я всячески старался не сваливать основную тяжесть на Ханну.

– А как твои дела? – я говорил о разводе Ханны, который развивался довольно драматично. Поэтому-то я и узнал семейную тайну, которую мама намеревалась унести с собой в могилу: мстительное ничтожество, бывший муж Ханны, са-

мовольно выслал мне документы об усыновлении, где Ханна указана как моя биологическая мать.

– Нормально. На душе полегчало, когда продали дом. Теперь живу на новом месте и не натыкаюсь на воспоминания о моих прошлых ошибках.

– Гордон прекратил чинить препятствия? Может, тебе нужна юридическая помощь? Хочешь, я приеду? Выходные у меня не заняты.

– Да что ты, зачем! У тебя же начинаются предсезонные тренировки. Через пару недель я буду свободна, как птичка.

– Точно? Семья важнее всего, я найду время, если надо.

– Я оценила, но у меня все схвачено. Меня поддерживают и родители, и коллеги по работе, которые живут по соседству. В субботу мы с подругами устраиваем вечер романтических комедий, которые ты терпеть не можешь...

– Джессика была вне себя, когда я заснул во время сеанса. Отсмеявшись, Ханна спросила:

– Кстати, как там Джессика? Вы общаетесь, или... – она не стала договаривать. Семь месяцев назад я расстался с Джессикой – решение было нелегким, но необходимым.

– Ну, изредка она позванивает. Мы не один год были близкими людьми, вряд ли я смогу вычеркнуть ее из своей жизни. Но общение в новом качестве просто друзей не дается ни ей, ни мне, потому что для меня наш роман закончился, а для нее, по-моему, еще нет.

Мы с Джессикой мало виделись – дело ограничивалось

редкими визитами и несколькими неделями в перерывах между сезонами, но мы больше пяти лет считались парой, мои родители относились к Джессике как к дочери (ласковее, чем ее собственные мать и отец), поэтому я отлично понимал, что она теряла больше, нежели просто бойфренда.

– М-да, тут ты прав, – согласилась Ханна.

– Что происходит? Ты там по губам барабанишь?

Ханна всегда так делала, когда надо было что-то сказать, а она колебалась, стоит это делать или нет.

– Мама мне сказала, что Джессика частенько к ним навещается, привозит какие-то твои вещи, но время для визитов выбирает довольно странное – отчего-то непременно в обеденное время в воскресенье.

– Она оставалась у них в гостях или передавала вещи и уезжала?

– Ты же знаешь нашу маму, она Джессику с порога не отпустит.

– Да уж, – я потер затылок. Наша с Ханной мать всегда была в команде Джессики и ничего так не хотела, как нашего примирения. – Что-нибудь еще мама говорила?

– Да, о своей ностальгии по прежним славным временам. Ничего, привыкнет, никуда не денется.

– Надеюсь, они все же смирятся с ситуацией, – пробормотал я.

Ханна невесело усмехнулась. Она тоже знала, что у нашей матери нездоровая страсть налаживать чужие отношения.

– Вы были вместе несколько лет, неудивительно, что Джессике трудно принять ваш разрыв. А мать недолюбливает любые перемены... Давай лучше о тебе. Познакомился с кем-нибудь? Небось красотки в очередь строятся?

– Гм, нет, никаких красоток. Начало сезона, не до свиданий, – ответил я, не очень покривив душой.

Тут в сотовом запиликал будильник, напомнив, что у меня десять минут до выхода: нужно заехать за Бишопом и вовремя успеть в спорткомплекс.

– Мне пора, до сбора команды меньше часа.

– Слушай, интересная закономерность: едва я завожу речь о твоей личной жизни, тебе тут же срочно куда-то надо...

– Но мне действительно пора!

– Шучу, шучу. Хорошего дня, на неделе созвонимся.

– Пиши, если что-то понадобится.

– Напишу. Ну, Рай, обнимаю тебя.

– Я тебя тоже обнимаю и люблю, мамстра.

Закончив звонок, я несколько секунд смотрел на темный экран, очень надеясь, что Ханна действительно в порядке и наша семейка не усугубляет ее травму от развода вместо того, чтобы помогать.

* * *

Спустя тридцать семь минут мы с моим одноклубником и лучшим другом Бишопом Уинслоу распахнули входную

дверь спорткомплекса, готовые к первому в сезоне сбору. Нос уловил знакомые запахи чистящих средств, прорезиненных матов, льда и слегка затхлый, как бы ни старались уборщики, запах хоккейного снаряжения.

– Каковы шансы, что в этом году Уотерс не закатит предсезонную вечеринку? – спросил Бишоп.

– Практически нулевые, – лично я ничего не имел против того, чтобы торжественно отметить начало сезона. Традиционный сабантуй – прекрасная возможность познакомиться с новичками и в неформальной обстановке пообщаться с товарищами, которых не видел с прошлого сезона. – Это укрепляет командный дух, а новенькие быстрее осваиваются.

– Вот почему ты такой чертовски позитивный ну вот просто по любому поводу, Кинг? – недовольно проворчал Бишоп. Он по натуре несколько пессимистичен и весьма нелюбим.

– Потому что ты – ходячий негатив, а в жизни необходимо равновесие.

– Это ж, блин, чудо чудесное, что у меня есть друзья и жена, скажи? – он улыбнулся углом рта.

Я хлопнул его по плечу.

– Отнюдь. Я считаю себя везучим человеком, которому посчастливилось заглянуть под твой угрюмый экстерьер.

Бишоп вытаращил глаза и отмахнулся от моей руки, но не удержал улыбки.

В кармане завибрировал сотовый, и я решил узнать, в чем дело. В семейном чате оказалось двадцать пять пропущенных сообщений (ничего удивительного, я же был за рулем, а с утра все разговорчивы), среди них три от Джессики.

Бишоп покосился на телефон и на меня.

– Нормально все?

– Да, наверное, обычные пожелания удачи.

Так уж повелось в нашем групповом чате. Каждое утро в девять мама – я по-прежнему не могу думать о ней как о бабушке – присылает свою цитату дня, обычно взятую из ее календаря с «окрыляющими изречениями». Папа – в смысле, дедушка, дополняет женины сообщения забавным мемом, а остальные стараются подкинуть что-нибудь комичное или острят над маминой цитатой.

Сообщения от Джессики я решил пока не открывать: стоит мне ответить, как она немедленно позвонит, а раз я направляюсь на сбор команды, то не смогу уладить ситуацию в деликатной манере, если она понадобится. Джессика несколько раз звонила и плакала в трубку; приходилось ее долго успокаивать, а сейчас у меня нет времени спокойно объяснить, почему отношений у нас не получится и «примирения» не будет.

– Как, Джессика тебе до сих пор пишет? Регулярно, что ли? – удивился Бишоп, глядя на экран моего телефона.

Я пожал плечами.

– Никак не смирится с расставанием.

Бишоп шумно выдохнул.

– Чувак, если бы моя бывшая мне писала, Стиви бы мне башку оторвала!

– Но у меня же нет ни подруги, ни жены, поэтому я могу не волноваться о том, что сообщения Джессики заденут что-то чувства.

– Это пока, а рано или поздно у тебя появится новая подруга, и как тогда отреагирует Джессика?

– Не знаю. Надеюсь, мне не придется столкнуться с подобным сценарием.

Лоб Бишоп пошел морщинами, как бывало довольно часто.

– Ты что, с ней снова сойтись решил?

– Нет! Абсолютно точно – нет.

Джессика жила в упорном заблуждении, что, как только мы поженимся, я уйду из профессионального спорта. Когда я объяснил, что моя карьера в НХЛ продлится столько, сколько со мной будут возобновлять контракт, Джессика расстроилась и обвинила меня в том, что спорт для меня важнее, чем она.

В каком-то смысле она была права – карьера для меня действительно всегда стояла на первом месте. Но за все годы нашей связи Джессика этого так и не приняла, нередко заводя речь, как чудесно мы заживем *после* хоккея.

Мне тридцать лет, у меня еще несколько верных сезонов на льду – у вратарей карьера длинная. С Сиэтлом у меня се-

милетний контракт; когда он истечет, мне еще и тридцати пяти не исполнится, и если я буду в хорошей форме и небесполезен на воротах, я надеюсь еще поиграть. Меня начали тяготить отношения, которые будто стоят на паузе, пока я играю в хоккей, и в конце концов я понял – сколько бы лет нас ни связывало, Джессика никогда не примет мою спортивную карьеру. Поэтому я принял решение расстаться.

Мы вошли в конференц-зал, где уже собрались наши. Вдоль стены тянулся шведский стол с горячей пищей, и многие парни уже уписывали еду за обе щеки, оживленно навстречивая общение после мертвого сезона. Мы с Бишопом взяли по тарелке и принялись накладывать себе того и сего.

– Шиппи, Кинг, присаживайтесь! – Рук Боумен, наш капитан, указал на два свободных места рядом.

– Вечно он лезет со своим Шиппи, – раздосадованно пробурчал Бишоп.

В первый сезон нашей молодой сборной они с Руком ненавидели друг друга с силой тысячи солнц. Ситуация стала критической, когда Рук узнал, что Бишоп встречается с его младшей сестрой. Но потом они выяснили отношения у мусорных контейнеров (я выступал посредником) и теперь в основном прекрасно ладили.

– Продолжай звать меня Шиппи, и я расскажу тебе все о любимых позах твоей сестры в постели, – тихо пригрозил Бишоп, усаживаясь напротив Рука.

Рук подавился сарделькой, и сидевший справа от него

Чейз с силой врезал капитану по спине. Рук оттолкнул его руку и волком глянул на Бишопа.

– Не вздумай!

Бишоп уставился на него с выражением «ты мне еще по-приказывай».

– Только твоей сестре можно называть меня Шиппи, поэтому если ты не готов обниматься со мной перед телевизором и ласкать мой...

Я ударил ладонью по столу, чтобы приятель не вздумал закончить фразу. Рук сидел с таким видом, будто готов броситься на Бишопа, а мне потом до вечера ходить в белой рубашке, расцвеченной брызгами моего завтрака?

– Слишком рано для свары из-за пустяков. Не годится, чтобы капитан команды в первый же день конфликтовал со своими игроками на глазах новичков, – я кивнул в сторону двух абсолютно незнакомых лиц, обладатели которых остановились в дверях и глядели, как их новый капитан прилюдно сцепился со своим зятем. Они еще не знали, что это две горячие головушки маются, можно сказать, ерундой.

– Все нормально. – Рук отправил в рот большой кусок яичницы и отодвинулся от стола. Вытерев рот салфеткой, он швырнул ее в Бишопа и направился к новеньким.

– Боже, как же я счастлив, что мне не надо строить из себя веселого и приветливого в такую рань! – Бишоп взял полоску бекона, сложил в гармошку и запихнул в рот.

– Стройматериалы не те, – поддержал я. – Тебе даже энер-

гетические напитки и экстази не помогут.

– Пожалуй, – согласился Бишоп, оглядывая зал, и кивнул куда-то подбородком: – А что, наш генеральный взял себе помощницу?

Я проследил за его взглядом. У стола, спиной к нам, раскладывая бумаги, стояла девушка с волнистыми каштановыми волосами, закрывавшими спину.

– Может, стажерка?

Девушка была в темно-синем платье, облегавшем очень женственную фигуру. Я обвел взглядом изгиб талии и крутое бедро, опустившись к коленям, где заканчивался подол. Икры у нее были обнаженные, спортивные и подтянутые, а у туфель имелся красивый бантик над высоким каблуком. Элегантно, но сексуально.

– Возможно.

– Надеюсь, эту кралю примут на постоянную работу, – нарочито громко сказал кто-то за соседним столом.

– А я не стану возражать, если она поможет мне надеть ракушку! – поддержал другой, вызвав громкий гогот всей компании.

Я обернулся и смерил остряков осуждающим взглядом. Ну, разумеется, Фоули из Тампы и Дикерсон – парень по обмену из Лос-Анджелеса, оба известные ловеласы.

– Следите за языком и ведите себя с уважением! Это ведь чья-то дочь!

– Не горячись, Кинг, мы же не ей в глаза говорим, – начал

оправдываться Фоули.

Мне не удалось толком пробрать их за невоспитанность – в зал через боковую дверь вошли генеральный менеджер сборной Джейк Мастерсон и наш главный тренер Алекс Уотерс. Генеральный подошел к девушке, по-прежнему стоявшей к нам спиной, и улыбнулся как-то чересчур тепло. Наклонившись, он чуть стиснул ей плечо и что-то сказал на ухо.

– Ничего себе помощницы пошли... Глянь, прямо не скрываются, – пропыхтел Бишоп, запихивая в рот сардельку.

– Все возможно, – согласился я.

Девушка немного повернула голову, и я смог разглядеть ее профиль и розовую щеку. Я заморгал, потому что девушка вдруг показалась мне ужасно знакомой.

– Я ее, кажется, знаю, – проговорил я больше для себя, чем для Бишопы. – Но, видимо, не так хорошо, как наш генеральный.

И тут у меня перехватило дыхание, будто в солнечное сплетение без нагрудника прилетела шайба. Я действительно знаком с этой девушкой. Куини! Моя случайная знакомая, исчезнувшая на следующее утро, оставив записку на дверном косяке и трусики на ручке. Разорванные стринги.

– Господи-и-и...

Я переспал с подружкой генерального?! Воспоминания вихрем закружились в голове, и мне захотелось провалиться сквозь пол. Поведение мое в ту ночь было крайне нетипичным, как и накануне вечером. Я списал это на алкоголь, се-

мейную драму и тот факт, что Куини вроде бы очень охотно и с удовольствием участвовала в наших затеях. Нельзя, нельзя сейчас думать о том, что я с ней вытворял...

Я солгал бы, утверждая, что не думал о Куини и нашей ночи. Я даже хотел съездить в бар, где мы познакомились, но не знал, появится ли она там еще. Расспрашивать бармена, как какой-нибудь извращенец, я тоже не решался. К тому же если бы Куини хотела оставить мне телефон, то оставила бы.

– Ты чего? Мутит, что ли? – встревожился Бишоп.

Я зажал рот ладонью не потому, что мне было дурно, а чтобы скрыть отвисшую челюсть: я никак не мог закрыть рот и сидеть с нормальным видом. Желудок действительно начал вытворять мучительные сальто, грозившие перейти в настоящую тошноту. Такие ощущения я испытывал в юности, впервые выйдя на лед...

Скверное дело. Очень скверное. У меня никогда не было случайных связей – я всегда состоял в серьезных отношениях, предпочитая лучше узнать моих партнерш до того, как они окажутся со мной в постели. Подростковая беременность – весьма распространенное явление в Теннесси: а что там еще делать, за исключением спорта, наркоты и алкоголя? За примерами далеко ходить не надо – мой старший брат Джеральд пошел по дурной дорожке. Я, соответственно, попал в спортивную категорию: родители, усвоив урок, накрепко вдолбили мне, чтобы не вздумал пополнять печальную статистику и не делал свою подружку матерью, пока она

не будет готова к чему-то большему, чем к экзамену по алгебре в объеме средней школы.

По иронии судьбы Ханна не стала бы одной из матерей-подростков, не придерживайся дед с бабкой своих принципов...

– Кинг? – подтолкнул меня Бишоп. – Ты на что уставился-то, друг?

Сунув в рот два пальца, Джейк свистнул, отчего стоявшая рядом девушка поморщилась, но тут же овладела собой и неуверенно улыбнулась.

– Ну, кто готов к новому сезону?

Слова генерального были встречены дружным восторженным воплем. Уотерс стоял в стороне, бешено аплодируя. Обычно сборы проводил он, но Джейк, активный участник жизни сборной, традиционно открывал первый в сезоне сбор, передавая потом инициативу нашему тренеру.

Дождавшись, когда уляжется шум и все усядутся, Джейк продолжал:

– Джентльмены, представляю вам мою личную помощницу, Куини, – он обнял девушку за плечи и прижал к себе.

По хребту у меня будто провели раскаленным острием гнева – совершенно незнакомое чувство, обычно я полностью владею собой. Джейк с Куини вели себя так, будто у них роман. Может, она ему изменяет? И меня вовлекла в обман? Разница в возрасте бросалась в глаза: для генерального менеджера Мастерсон, конечно, молод, но ему за сорок, а Ку-

ини двадцать с небольшим!

– Куини еще и моя дочь, так что, парни, губу закатайте сразу, – Джейк умудрился одновременно подмигнуть и зыркнуть на всех присутствующих.

И все мгновенно стало еще хуже.

Моя случайная любовница – не подружка нашего генерального. Она его дочь.

Глава 3

Жаль, что пол под ногами не расступился

Куини

Не может этого быть! Я с усилием поморгала, надеясь, что мне мерещится от недосыпа. Не мерещилось.

Мой случайно снятый кавалер шестинедельной давности восседал на самом видном месте среди моря хоккеистов.

Нет, ну какова вероятность, позвольте узнать?!

Во рту у меня пересохло, а соски напряглись от некстати нахлынувших воспоминаний. Такой красивый парень, аккуратно одетый, вежливый. На редкость учтивый и воспитанный. Но – о боже, сорвите с него одежду и затащите его в постель, и начнется совершенно другая история... к которой я хотела бы дописать еще несколько глав, а то и целый роман, подлиннее. Стащив с бойскаута рубашку поло, я спустила с цепи восхитительно грязного парня.

Судя по ужасу на его лице и вытаращенным глазам, кавалер был шокирован встречей не меньше моего.

За пролетевшие полтора месяца я часто в подробностях

вспоминала ту ночь – и утро. Мне даже не верилось, что я оставила ему записку и свои загубленные стринги. Вот интересно, он их выбросил или хранит до сих пор?

Я гадала, разочарован ли он так же, как и я, что я не оставила номер. А вот у меня сохранился его адрес – я же вызывала «Убер» до кафе, куда мы с папой ходим каждую субботу.

С папой, у которого я теперь работаю.

Который руководит этой хоккейной сборной.

Который приказал мне не крутить с его хоккеистами. Не успела я приступить к своим обязанностям, как уже нечаянно нарушила единственную его серьезную просьбу.

Ситуация получалась не айс, и судя по тому, как побледнел Райан, он, видимо, думал то же самое.

От удивления я даже забыла смутиться, когда папа недвусмысленно помахал, так сказать, отцовским козырем перед носами всей команды.

– Куини!

Я с трудом оторвала взгляд от своего случайного любовника и повернула голову к отцу, вопросительно улыбнувшись:

– Да, Джейк?

Правое папино веко дернулось, будто что-то попало в глаз; значит, отца что-то покорило. Должно быть, обращение по имени и легкое раздражение в моем тоне. Наверняка я заметно умирала от смущения, но не по той причине, которую

предположил папа.

Он передал мне стопку анкет.

– Раздай, пожалуйста.

Я хотела отказаться – так мне не избежать переглядок с Райаном, но раз я папина персональная помощница, моя задача брать на себя всю мало-мальски черновую работу, потенциально отвлекающую руководителя от чего-то по-настоящему важного. То есть судьба мне отныне раздавать анкеты хоккеистам, а потом собирать и заносить данные куда полагается. Мечта, а не должность, прямо скажем.

Будь я с утра посообразительнее (чего не было и в помине), я бы заранее разложила анкеты на столах, чтобы облегчить задачу себе и членам сборной. И избежала бы ненужной близости и персональной неловкости.

– Конечно. – Вспотевшими руками я переняла стопку и двинулась по комнате от левого угла, выкладывая по одной анкете перед каждым хоккеистом. Мне досталось много невнятных «спасибо» и напряженных улыбок.

Может, папа прав, и я ошиблась с платьем. Большинство парней явились в футболках и спортивных штанах, некоторые в джинсах. Райан сидел в серых брюках и белой рубашке поло. Я старалась не сбиться в дыхании и с недрогнувшей улыбкой подала ему анкету. Наши взгляды встретились, и соски у меня затвердели сильнее (слава богу, я надела лифчик с поролоновой прокладкой).

Его губы приоткрылись, и показался кончик языка, кото-

рым он обвел нижнюю губу. Я очень живо помнила, каково было ощущать этот язык, круживший вокруг моих сосков и других чувствительных мест. У меня сам собой вырвался странный звук – не то стон, не то вздох.

Глаза у него полезли из орбит, а щеки залились краской. Я машинально удерживала анкету, которую Райан пытался выкрутить из моих пальцев. Все это заняло несколько мгновений, но мне казалось, будто на нас направили мощный прожектор и все присутствующие в зале читают мои мысли.

Когда Райан произнес «спасибо», его густой, глубокий голос отозвался некой лаской между моими бедрами. Я уже хотела отойти, когда его пальцы сомкнулись у меня на запястье. Рука была большая, теплая и шершавая – совсем как я запомнила. Я не ожидала этого контакта, поэтому сильно вздрогнула и едва не выронила оставшиеся анкеты.

Райан выпустил мою руку.

– Вы что-то уронили, – он нагнулся и поднял клочок бумаги. Не представляю, как я могла это выронить, потому что держала исключительно анкеты. Райан всучил мне листочек и пробормотал что-то о том, что нам надо поговорить. Я натянуто улыбнулась и отошла к следующему столу.

Он безусловно прав насчет необходимости разговора, но не затевать же объяснение посреди зала, полного его товарищей, и в присутствии моего отца!

Во время сбора, который длился добрые два часа, я узнала, что фамилия моего случайного любовника – Кингстон

и что он голкипер сборной. Вот чем объяснялась его невероятная гибкость и выносливость!.. Хотя бы мне перестать, в самом деле, думать о тех нескольких часах, которые мы провели вместе обнаженными.

Потом хоккеисты разминались под руководством своего тренера Алекса Уотерса. С виду Уотерс моложе моего папы лет на пять, сложением типичный хоккеист и в целом вполне тянет на мужчину-модель для демонстрации нижнего белья.

У меня не было возможности прочесть записку, которую дал мне Райан (вернее, Кинг, как его называли все, включая моего отца): я чуть глаза не сломала, разбирая куропись хоккеев. Только анкета Райана выделялась среди других нечеловеческой аккуратностью и разборчивостью букв.

У меня даже не было времени поискать Кинга в соцсетях, потому что я то расшифровывала анкеты, то делала копии, то приносила отцу кофе. К пяти часам я решила приучать его ограничиваться пятью чашками в день или хотя бы чередовать с сортом без кофеина, раз уж папа такой кофеман. А я буду добавлять в кофе не сливки, а молоко, дабы поберечь его бедные сосуды.

Я поставила перед папой кофе с одной порцией сахара и сливок.

– Тебе что-нибудь еще принести?

Папа поглядел на меня поверх очков для чтения (недавно выписали, и папа их ненавидит).

– Пожалуй, у меня все есть. Куини, ты отлично справилась

и должна гордиться собой!

Я чувствовала себя расхваленным лакеем в красивом платье, несмотря на папины старания ободрить меня комплиментом.

– Спасибо, папуль.

Он улыбнулся, постукивая концом ручки по столешнице.

– У меня бумажной работы примерно на час, а ты можешь выдвигаться, если хочешь.

– Нет-нет, я тебя подожду.

Заодно поищу в интернете моего знакомого.

– Зачем же болтаться в офисе, если работы нет? Вызывай «Убер», дома встретимся.

– Ну ладно, о'кей, я согласна.

Оставив отца разбирать бумажки, я быстро навела порядок на столе, вызвала такси и направилась к выходу. В спорт-комплексе было тихо, тренировка давно закончилась, и большая часть административного персонала уже разошлась по домам.

Такси не заставило себя ждать, и вскоре я уже села на заднее сиденье. Водитель оказался редкостным болтуном. Я утвердительно мычала и издавала другие одобрительные звуки, пока он трепался о своих планах открыть уличный лоток и продавать тако. Ну что ж, зато у человека есть мечта, ясная цель. Когда он высадил меня у дома, мне уже зверски хотелось тако.

Обогнув большой дом, я короткой дорогой направилась

к гостевому флигелю, который представлял собой миниатюрное бунгало с одной спальней – в три раза больше моей прежней квартиры и несравненно лучше. Не то чтобы мне подавай простор или роскошь – я рассталась бы с бунгало не моргнув глазом в обмен на самодостаточность и определенность в жизни, но папа меня все же понимает и любит, когда я рядом.

Войдя в бунгало, я первым делом открыла свой органайзер и достала клочок бумаги, который Райан дал мне утром. Это оказался кассовый чек. Я с любопытством просмотрела покупки Райана. Четыре галлона молока?! Господи, этот парень реально обожает молочку!

Я перевернула чек и пробежала глазами торопливые, но четкие строки. Чековые ленты известны своей способностью смазывать краску, а руки у меня утром были потные, поэтому обратную сторону покрывали серые пятна, и разобрать написанное было сложно. Кажется, «Позвони мне» и номер телефона, но не разглядеть, вторая цифра тройка, шестерка или девятка. Или вообще ни то, ни другое, ни третье.

Опустившись на диван, я щурилась, вглядываясь в чек. Объясниться необходимо. Меньше всего мне надо, чтобы до отца донеслось – я замутила с одним из хоккеистов, хотя он открытым текстом запретил мне это делать.

Подняв лицо к потолку, я выдохнула, уставившись на потолочный вентилятор. Как, черт побери, мне каждый день видеть этого парня и не думать о потрясающих вещах, кото-

рые он со мной делал?

Глава 4

Лазутчик

Кингстон

– Мне кажется, нам лучше будет какое-то время не общаться...

Поморщившись, я убавил громкость, когда вокруг зазвучали рыдания Джессики, усиленные системой объемного звука. Я уже час сидел в машине, карауля, когда из спорт-комплекса выйдет Куини, но позвонила Джессика, и теперь я в сотый раз объяснял, почему ее ежедневные сообщения не нужны ни ей, ни мне.

– Разве я тебе уже совсем не д-д-дорога? – задыхаясь, допытывалась она.

– Конечно, дорога, но подобные вещи не дают нам жить дальше, держат нас в прошлом...

Мой ответ вызвал новый приступ рыданий, и битых десять минут я уверял, что дело не в ней, а во мне, и несколько дней молчания не означают, что мы прекращаем общение. Я так горячо уводил ее с эмоционального карниза своими уговорами, что едва не прохлопал показавшуюся Куини.

Она села в поджидавший «Убер». Не желая тянуть

с объяснением до завтрашнего дня, я наскоро попрощался с Джессикой и поехал за такси, надеясь перехватить Куини. Мне пришлось несколько раз превысить скоростной режим и проехать на мигавший желтый, чтобы ее не потерять. Судя по району и направлению поездки, Куини жила у отца (я пару раз был у Джейка в гостях на вечеринках для сборной). Его особняк на углу улицы, поэтому я проехал мимо и свернул направо, остановившись у боковой стены.

Джейк еще в офисе, но неизвестно, скоро ли он вернется, поэтому тянуть нечего. Я вытер потные ладони о брюки и выключил мотор. Снова обогнув угол, я вернулся к входной двери, постучал, подождал и позвонил в звонок, но никто мне не открыл. Может, Куини во дворе по случаю хорошей погоды?

Вариантов у меня было немного, поэтому я обошел дом, миновал гараж и приблизился к оригинального вида красивому бунгало возле бассейна олимпийских размеров.

В кармане завибрировал телефон. От неожиданности я сбился с ноги и едва не угодил в розовый куст. Я проверил, может, Куини наконец написала ответ, но это оказалась Ханна. Я всегда был с ней откровенен, но отчего-то ни словом не обмолвился ей о моей случайной знакомой и не заходил сегодня в семейный чат – не то у меня было состояние. Видимо, Ханна что-то почувствовала.

Я сунул мобильный в карман и постучался. Спустя полминуты никто не открыл. Я постучал вторично – опять ни-

чего. Может, Куини у бассейна? Я обошел бунгало. На заднем крыльце стояли маленький стол и пара шезлонгов.

Я оглядел пустой бассейн. Значит, Куини дома. Я подошел к задней двери, перешагнув какое-то растение в горшке и пустые цветочные ящики, открыл сетчатый экран, скрипнув петлями, и постучал в третий раз. Тонкие шторы на окнах были опущены, но сбоку оставался тонкий зазор, и я решил заглянуть внутрь.

Открытая планировка позволяла увидеть помещение от стены до стены. Внутри царил беспорядок – на кухонном столе громоздилась посуда, одежда как попало брошена на стулья. В углу кухни стоял мольберт с заляпанным красками белым листом.

Я поднял руку, чтобы постучать в четвертый раз, когда в поле моего зрения появилась Куини. Не успел я и глазом моргнуть, как темно-синее платье, в котором она сегодня была на работе, соскользнуло по ее плечам, открыв бретели бюстгалтера. Как, она раздевается в гостиной?!

Я отступил, сознавая, что это вопиющее вмешательство в частную жизнь, споткнулся о керамический вазон и налетел на одни из шезлонгов, который покачнулся и грохнулся на вымощенное плиткой патио.

Я замер, когда занавеска на окне резко отъехала в сторону. Одну руку Куини держала поперек груди, прикрывая лифчик и грудь (частично). Недоснятое платье болталось на бедрах. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы удержать

взгляд на ее лице.

Прекрасные большие глаза Куини через стекло встретились с моими. Идеальной формы брови опустились, но тут же взлетели вверх.

– Что за хрень? – Окно было закрыто, но я все равно слышал ее так же четко, как и видел.

Занавеска снова заслонила обзор, и смутный силуэт Куини метнулся куда-то в сторону. Надеюсь, она не побежала вызывать полицию.

– Куини? – Я постучал в стекло и шепотом заорал: – Извини, это совсем не то, что ты подумала!

Через секунду щелкнул замок, дверь распахнулась, и на пороге появилась Куини.

– То есть ты не подглядывал, как я раздеваюсь?

– Я несколько раз стучал, но ты не отвечала. Прошу прощения, я не знал, что ты переодеваешься.

Я прикрыл глаза ладонью, когда Куини опустила руку, прикрывавшую грудь, но я оказался недостаточно проворен и успел заметить розовые кружевные чашки бюстгальтера, прежде чем зажмурился.

Спустя несколько очень долгих секунд Куини потянула меня за руку. Я послушно опустил руку, но глаза не открыл.

– Ты в приличном виде?

– Что ж ты не волновался о моем виде, когда подглядывал?

– Это получилось случайно, к тому же ты переодевалась

в гостинной!

– Обычно за мной не следят всякие хоккеисты... Уже можно смотреть.

Я опасливо приоткрыл один глаз и с облегчением увидел, что Куини стоит в мятой безрукавке.

– Я приношу свои искренние...

– Извинения! Заладил... Что ты тут делаешь?

– Я ехал за тобой от спорткомплекса. – Это прозвучало гораздо неприличнее самого поступка. – То есть я ждал тебя на парковке, но ты села в такси прежде, чем я успел подойти. Нам нужно поговорить. Клянусь, я тебя не преследую.

Куини потеряла переносицу и, помедлив, отступила в сторону.

– Ну, тогда входи.

Я перешагнул порог и окунулся в ее запах – сочетание легких цветочных духов, лосьона и ванильного шампуня. Этот запах остался на простынях, когда Куини провела на них ночь. В моей постели. Обнаженная. Со мной... Я должен решительно отогнать от себя эти мысли!

Верхняя часть ее платья так и болталась на бедрах. Куини отошла к маленькому обеденному столу и взяла со стула шорты. Я снова отвел глаза, пока она натягивала шорты, поднимая стройные ноги. Потом она стянула платье через бедра, и оно упало на пол. Куини выступила из лужи темно-синей ткани, подняла платье и кинула на спинку стула. Может, у нее нет корзины для белья, предназначенного в стирку?

– Ну что... Не знала, что ты играешь в хоккей.

– А я бы не привел тебя домой, если бы знал, что ты дочь Джейка... – Я поморщился. – Я не вожу домой девушек... то есть женщин... особенно когда мы нетрезвы и не вполне отвечаем за свои поступки. Это не... Я не... Я обычно не...

Куини приподняла руку, и я принял это за знак замолчать, что, пожалуй, было к лучшему, потому что с каждой фразой неловкость лишь усугублялась.

– Мне не нужно, чтобы ты извинялся или оправдывался. Я обычно тоже не сплю со случайными знакомыми, это у нас с тобой общее. Неловко получилось, что мой отец – твой и мой начальник? Согласна, но мы с тобой узнали об этом только сегодня.

– Джейк вон там живет, – большим пальцем я показал за плечо на особняк. Замечание не имело никакого отношения к разговору, но случайно возникшая мысль тут же попала на язык.

– Ну, ясное дело, на зарплату помощницы такое жилье не потянуть, – вздохнула Куини. – Папа приедет попозже. Свою интимную жизнь я с ним не обсуждаю, так что можешь не опасаться за свою шкуру или что-нибудь другое.

– Да, это хорошо, э-э, что Джейка нет дома и что он, гм, не лишит меня жизни за то, что я делал с твоим телом... с тобой.

Мне очень хотелось остановить этот поток сознания. Всплыло очередное неуместное воспоминание – как я стоял

на коленях между раскинутых ног Куини, теплой и влажной, и... Я с размаху зажал рот ладонью, чтобы не брякнуть лишнее.

И тут я вспомнил, что утром не нашел на полу упаковок от использованных кондомов.

– Мы не воспользовались презервативом!

Глава 5

Грязный бойскаут

Куини

В эту минуту Райан – или Кинг, или Кингстон, или как его там – казался насмерть перепуганным. Безумно привлекательным, но, так сказать, во власти ужаса.

– Что-что? – переспросила я, потому что последнюю фразу он произнес совершенно невнятно.

Кинг опустил руку.

– Презерватив? Мы презерватив надевали?

– Ты серьезно? – я не могла понять, шутит он или нет.

– Я не нашел их наутро – ну, использованных. На тумбочке остались два неоткрытых... – Он схватился за голову и забегал по кухне. Лицо его приобрело какой-то свекольный оттенок. – Обычно я не настолько безответственный – никогда не веду себя подобным образом и не завожу случайных связей – я их не понимаю. Сначала полагается ухаживание... – Он остановился на секунду и еще сильнее вытаращил глаза, хотя это казалось невозможным. – Как я мог? Я даже не пригласил тебя на ужин!

– Ты купил мне выпить.

– Еще того хуже! – Он запустил руки в шевелюру, погубив идеальный пробор. – У тебя месячные были после того, как... мы были вместе? – Не давая мне времени ответить, он забросал меня вопросами: – Может, нам анализы сдать на... мало ли что? Я... гм, я здоров и не намекаю, что ты нет, но просто... Ради спокойствия, ради внутреннего спокойствия это же стоит сделать, как ты считаешь? Я могу отвезти нас в клинику, которая гарантирует полную тайну... Или обратимся к нашему спортивному врачу!

Я приподняла руку.

– Я ни под каким видом не пойду сдавать анализы на «всякое-разное» к спортивному врачу. К тому же мы не занимались сексом!

Мой гость бросил мерить кухню шагами и повернулся ко мне. Кинг крупный парень – широкий, с мощными плечами и бугрящимися бицепсами, предплечья перевиты толстыми венами. Я помню, как он склонился между моими бедрами, одной рукой взявшись за ягодицу, чтобы приподнять бедра, а другой накрыв грудь, чтобы теревить пальцем сосок, и лизал, покусывал и посасывал, доводя меня до оргазма... вернее, нескольких оргазмов. Райан Кингстон очень-очень умелый в оральных ласках и очень, очень щедрый. Такой щедрый...

– Точно?

Я даже не знала, обижаться при виде его несомненного облегчения или нет.

– Абсолютно.

Хотя у нас почти дошло до этого – почти-почти. Ближе, чем стоило доводить без презерватива. И мы совершенно точно проделали все мыслимые и немыслимые виды прелюдий, причем не раз.

Мои интимные части свело при воспоминании о его неральной выносливости. Упомянутые части не желали брать в расчет, что если Райан стоит совсем близко, это не значит, что, все повторится. Не может это повториться, как бы я того ни желала!

Он нахмурился. Даже это выражение замечательно шло к его красивому встревоженному лицу.

– Но я же помню... – он не договорил.

– Что ты помнишь?

Он, безусловно, выпил гораздо больше меня, хотя я тоже была солидно подшофе, в таком состоянии наедине с незнакомцами вообще-то не остаются. И если отдельные моменты я помнила смутно – например, как мы выпили по последней и как жадно потом пили воду, то все, что происходило под и на его одеяле, прямо-таки врезалось в память.

– Я был... То есть мы были... – Он снова начал нервно ходить. – Ты же была подо мной, разве не так? – Он окинул меня взглядом, от которого напряженные соски обрели твердость камня.

– Верно, – мы смотрели друг другу в глаза, и воздух словно стал плотнее, напитавшись странной энергии. – Я была

под тобой.

– И мы были обнаженные, – хрипло и негромко продолжал он.

– Совершенно обнаженные, – подтвердила я. Интонация у меня получилась такая, будто я готова снова раздеться вот прямо сейчас.

Не будь Райан хоккеистом из папиной сборной, я бы ничего не имела против, но он же играет в сборной! Осложнения светят самые серьезные, и участие в новых прелюдиях ситуации не улучшит (какими бы приятными ни оказались прелюдии).

Я вела с собой этот внутренний спор, держась за стол позади меня, чтобы не начать творить что-нибудь неподобающее – например, не схватить моего гостя за рубашку и не укунить в шею. Той ночью ему это очень понравилось. Очень.

Лоб у него снова пошел морщинами. Райан ничего не понимал.

– А что ты вообще помнишь? – спросила я.

– Э-э, практически все, но отрывочно... кроме секса, которого, как ты говоришь, у нас не было, – это прозвучало почти вопросом.

– В классическом смысле – не было, – подтвердила я.

Райан шагнул ко мне, нарушив личное пространство. Мне было некуда отступать, потому что я стояла спиной к кухонному столу. Я глубоко вздохнула, уловив слабый запах оде-

колона и дезодоранта.

– Что значит – в классическом смысле?

Господи, когда Кинг сказал, что нам надо поговорить, я не ожидала, что он намерен муссировать события той ночи самым откровенным и бесстыдным образом!

– Ну, гм, ты ласкал меня ртом...

– Это я помню, – он потер нижнюю губу, видимо, особенно живо все припомнив.

– А что было потом, не забыл? – Мне пришлось откинуть голову, чтобы глядеть ему в лицо, так близко он стоял.

– Я заставил тебя кончить.

– Ртом и пальцами.

– И пальцами, – кивнул он. – Кажется, тебе это весьма понравилось.

Иисусе, снова он со своим сочным комментарием моей реакции на его оральные фокусы!

– Мне? Да. В смысле, понравилось. И весьма.

– Мне тоже. – Язык Райана прошелся по нижней губе. – Но после этого все как в тумане.

А у меня вот, наоборот, все четко. Он ощупью поднимался по моему телу – целовал обнаженную кожу, задержался у сосков и наконец оказался у губ. Он целовал меня так, что я узнала, каково ему было ощутить мой вкус ртом и горлом (при этом воспоминании по спине пробежала сладкая дрожь, перейдя в вибрацию между ног). Райан приподнялся на локте, удерживая вес своего огромного тела, чтобы мы могли

ласкать друг друга, пока он играл с моими грудями.

Это я забросила ноги ему на талию и сдвинулась так, чтобы наши интимные места оказались рядом, и мы наслаждались этим трением. Было ли это разумным поступком? Нет. Было ли ощущение приятным? Ого, блин, еще каким!

– Мы терлись друг о друга поверху, – объяснила я.

– Поверху терлись?

– Ну да. Когда ты был подростком, ты терся с девушками через одежду, а без одежды это называется тереться поверху.

– То есть мы почти... – он замолчал, будто наконец припомнив фрагмент нашей ночи.

– Один раз ты скользнул внутрь.

– Да, случайно.

Мы одновременно кивнули, отправившись в синхронное путешествие по аллее памяти. Ощущение его члена, скользившего по моему клитору. Как соприкасались наши губы, когда он двигал бедрами. Вырвавшийся у него сдавленный стон, когда головка ткнулась в мой вход и проскользнула внутрь.

В тот момент мы замерли, прекрасно понимая, что это мы зря, это небезопасно, но ощущение было невероятно приятным. Райан поспешил исправиться, и именно тогда он сказал, что хотя ему очень хочется заняться со мной сексом, это, наверное, плохая идея, потому что мы оба нетрезвы, и он не хочет, чтобы кто-то из нас позже пожалел или ничего не вспомнил. Это было невероятно трогательно.

Поэтому вместо секса мы терлись друг о друга до потери пульса. Несколько раз.

И теперь мы стояли, тяжело дыша, совсем как в ту ночь. Лицо Райана опять исказилось от ужаса.

– Я что, кончил на тебя?

Я почувствовала, как загорелись щеки.

– Да, на живот, – я показала выше: – И на грудь.

Он закрыл глаза и замотал головой.

– Господи... Я прошу прощения.

– Почему ты извиняешься? Ты увлекся, да и я теряла голову.

– Обычно я такого не делаю.

– Я тоже, но мне было хорошо и, уверена, тебе тоже.

К сожалению, та ночь забав останется у нас единственной.

Лицо Райана покраснело еще гуще, что впечатляло, учитывая, что он уже был красный как рак.

– Но утром ты ушла...

– Я опаздывала на встречу с отцом. По субботам мы всегда выходим на пробежку, а потом вместе идем на бранч. Папа уже беспокоился, а с тобой мы еще накануне договорились не превращать знакомство в интрижку, вот я и...

Райан сунул руку в карман.

– Так это не из-за того, как я проявил себя в ту ночь?

– Конечно нет! Твоя выносливость достойна войти в легенду, а изобретательность так просто не знала границ! Ты не меньше часа доставлял мне оральные удовольствия – парни,

с которыми мне доводилось быть, и близко с этим не могли соперничать... – Надо было замолчать, но меня несло – я торопилась прогнать беспокойство с его красивого лица. – Я столько раз кончила, хотя мы даже не занимались сексом, а ты восстанавливался в рекордные сроки – раз, и снова готов! – Я, как дура, показала ему на пах, невольно обратив внимание, что брюки в районе молнии чуть не трещат по швам. Значит, наш разговор возбуждал Райана не меньше, чем меня, судя по твердости моих сосков и сладострастной судороге между ног.

Впрочем, я ничего не собиралась делать с тем, что я заметила, даже если бы и хотела (ладно, ладно, я очень даже хочу).

– Это хорошо... Я насчет изобретательности... и моей легендарной выносливости, – он улыбнулся углом рта. Это первая полуулыбка, которую я увидела у Райана с той секунды, как застала его подглядывавшим через окно. – А ты была просто великолепна.

– Спасибо, – полувопросительно отозвалась я, соображая, из вежливости он это сказал или как.

– С той ночи я постоянно думаю о твоём рте.

Я колебалась, не зная, идет ли речь о моем умении делать минет или о чем-то еще.

– Ну, это... неплохо.

– Моя бывшая девушка ни за что не соглашалась... – Райан поморщился и замолчал.

– Подожди, на что она не соглашалась?

– Ну... – он смущенно показал на свой пах, что было просто уморительно, ведь Кинг так образно расписывал самые непристойные моменты (правда, умудряясь делать это тактично, без скабрёзности). – Ласкать меня ртом, – пробормотал он так тихо, что я едва расслышала.

– То есть твоя бывшая тебе не сосала?

Райан сунул руку в карман, а другой рукой потер затылок.

– У нее обостренный рвотный рефлекс.

– Она хоть пыталась вообще?

– Раз или два. Но это не было... приятным для нас обоих.

– Дай догадаюсь: те отношения у тебя долго не продлились?

Райан надул щеки.

– Отчего же, мы долго были вместе.

Наметившийся поворот в разговоре увлек меня не на шутку.

– Долго – это сколько?

Когда-то я почти год встречалась с парнем, но мы то сходились, то расходились. Это было в колледже, когда я почти доучилась до диплома художницы.

– Около восьми лет.

Хорошо, что я в этот момент ничего не пила – я бы точно прыснула.

– И ты восемь лет терпел без минета?!

– Прости, зря я, наверное, тебе об этом сказал.

Я отмахнулась от его извинений, захваченная новым интересом. Эта девица, видимо, конкретно держала его за яйца, раз человек смирился с отсутствием орального секса на такой срок.

– Скорее всего, она малость не справлялась, потому что у тебя там природа не поскупилась, – я снова указала на его пах. – Но ты же не засовывал член ей в глотку, все происходило постепенно?

Я подавила усмешку, потому что я-то испытывала настоящее наслаждение от такой длины и толщины, пока делала глубокий минет. Любопытство пересилило, и вопросы так и заскакали у меня с языка:

– Но она хоть, ну, лизала? Целовала? Головку в рот брала, по крайней мере?

Кингстон заморгал и с трудом сглотнул.

– Гм, нет. Такого она не делала.

– Ого! – Ну и ханжа ему попалась! Его бывшая заочно нравилась мне все меньше и меньше. Можно же сосать, как леденец, даже если она не в состоянии взять в рот дальше головки! Это не причина вообще отказывать в оральных ласках! Но я удержалась от последней фразы – вдруг Райан из тех парней, которые остаются с бывшими в дружеских отношениях. Отчего-то при этой мысли во мне проснулась ревность: я ему не просто очередная победа в минетном плане! – А давно вы расстались?

– Гм, больше полугода назад.

И он затоптался, будто ему стало неловко.

– Так у тебя была масса времени наверстать упущенные минеты, – насмешливо заявила я. Ведь Райан профессиональный хоккеист, пусть и не самая элита, раз я даже никогда о нем не слышала. С другой стороны, папа взял меня к себе всего два дня назад, когда я не сгодились на очередную вакансию в сфере обслуживания, и у меня не было времени почитать про сиэтлскую сборную. К тому же после первого курса колледжа я всячески избегала хоккея – не потому, что мне не нравится этот вид спорта, а из-за связанных с ним воспоминаний.

– Ты стала первой. С колледжа.

– Лапшу вешаешь?

– Гм, нет.

– Ого! Ну, надеюсь, я показала класс.

– Не просто класс, а... Ты восхитительная. Это было... Все время только об этом и думаю. – Он чуть отвернулся в сторону и кашлянул.

– Честно говоря, я тоже.

– Ох, если бы ты не была родней Джейку... – хрипло и тихо начал Райан.

– А если бы ты не играл в сборной, которой руководит мой папа, я бы обязательно снова опустилась перед тобой на колени!

Я чувствовала, что пора заканчивать марафон откровенности, хотя, конечно, жаль этого беднягу: чуть не десять лет

отношений с женщиной, которая принципиально не признает минетов, просто срам!.. У Райана вырвался не то стон, не то утробное рычание. Он стоял так близко, что я чувствовала щекой его дыхание. Я со страхом и нетерпением ждала, что он меня сейчас поцелует. Если он на это решится, у меня, скорее всего, не хватит силы воли его остановить, но я надеялась на моральный кодекс бойскаута.

Я положила ладонь ему на грудь, чтобы он не подался еще ближе.

– Райан...

– Кинг. Или Кингстон.

– Но ты представился мне как Райан?

– Райаном меня называют только родители, – он накрыл мою руку своей. По спине пробежала теплая щекотка, а волосы на руке Кинга приподнялись. – Чувствуешь?

– Что? – переспросила я. Тело, встрепенувшись, точно пробудилось.

– Вот так же было и в прошлый раз. Будто здесь воздух насыщен электричеством.

На кухонной тумбе зажужжал сотовый. Мы оба вздрогнули. Глаза Райана расширились, он выставил ладони и отступил на шаг.

– Это твой отец, – прохрипел он. – Да что со мной творится? Я не должен здесь находиться. Наедине с тобой, без надзора...

Я приложила палец к губам, откашлялась и ответила на

ЗВОНОК:

– Пап, привет, что случилось?

– Я уже еду домой. Давай сходим куда-нибудь, отметим твой первый день?

В трубке послышался автомобильный сигнал.

– А ты не хочешь куда-нибудь заехать по дороге и взять еды с собой? – Я взглянула на Кингстона, который будто прикипел к полу.

– Я на семь часов заказал столик в нашем любимом ресторане, но могу отменить, раз ты не в настроении, – в папином голосе угадывалось разочарование.

– А ты еще далеко?

– Минут через пять буду.

– А, тогда я сейчас соберусь.

И выставлю Кингстона за дверь.

– Отлично! Пока.

Папа закончил звонок, и я бросила телефон на тумбочку.

– У меня отец через пять минут возвращается!

– Я пойду. Джейк не должен меня здесь застать. – Кингстон шагнул ко мне, но снова сделал шаг назад. – Извини, я только хотел объясниться. Я не собирался вторгаться в твое личное пространство или заставлять переживать ту ночь заново.

– Отчего бы нам просто ее не забыть? – предложила я достойный выход.

– Забыть нашу ночь? – Райан нахмурился.

Я повела плечом с, как мне казалось, небрежным видом.

– Ну, это же вышло случайно! Как я могу заводить интрижку с парнем из сборной моего отца? – Меньше всего мне надо наживать кучу неприятностей, которых не избежать, если мы позволим себе что-нибудь неподобающее. Так поступают наркоманы, говоря: «Ладно, еще одна, последняя доза!» Райан Кингстон грозил стать моим любимым наркотиком.

– Не знаю, смогу ли я забыть ту ночь, но ты права – нам лучше сохранить платонические отношения.

И я внутренне раздулась от гордости.

– Значит, забыли? – Я протянула руку, которая утонула в ручище Райана.

– Платонические отношения... – медленно сказал он.

– Договорились.

Он держал меня за руку, не сводя взгляд с моего лица, особенно с губ.

Я слышала скрип щебенки и тихую вибрацию басов в стереосистеме. Значит, папа уже едет по подъездной дорожке.

– Отец приехал.

– О, черт, мне реально надо убираться... – Кингстон дернул меня к себе. Споткнувшись, я уперлась ладонями ему в твердую грудь, ощутив, как часто бьется у него сердце. Его губы коснулись моей щеки. – Обещаю постараться не вывести отношения из платонической плоскости.

И он скрылся за дверью, ведущей к бассейну, прежде чем

я успела что-то ответить.

Глава 6

Прогресс

Куини

За последние дни я сделала открытие – папа просто обо-
жает разные бумаги и анкеты, – а еще научилась расшиф-
ровывать чудовищный почерк почти тридцати хоккеистов.
Глядя на анкету Бишопа Уинслоу (я дошла почти до кон-
ца списка, слава младенцу Иисусу и его чертову единорогу),
я силилась разобрать, что он накорябал в ответ на довольно
волюнтаристский вопрос о силовых тренировках в межсезо-
нье. Уверена, что-то емкое и с сексуальным подтекстом, но
на сто процентов не поручусь – почерк у него чудовищный.

Стук в дверь заставил меня оторвать уставшие глаза от
писанины Уинслоу. Уже почти пять часов, а я твердо настро-
ена добить все анкеты перед уходом.

– Гм, привет, Куини, – на пороге стоял Кингстон, сунув
большие пальцы в карманы своих слаксов и оглядывая ком-
нату. Взгляд его задержался на открытой двери в кабинет мо-
его отца, а затем зафиксировался на мне.

– Привет, Кингстон. Тебе нужен Джейк?

– Джейк? – Он заморгал, будто не понимая, о ком я гово-

рю. – А, нет, нет. Я не к нему... Тут курьер с доставкой, – он показал себе за плечо. Сзади маячил какой-то парень, ростом Кингу едва по плечо.

С самого первого дня разговоры у нас выходили, мягко говоря, неловкими. Я бы оскорбилась, но видела, что Кинг тоже не знает, как спасти ситуацию.

Курьер протиснулся мимо Кингстона, занимавшего дверной проем своими плечищами, и подал мне электронный девайс и стилус.

– Вот тут распишитесь.

– Это планшеты, которые я заказывала? – уточнила я, взяв стилус и расписываясь.

– Они, они. Вы их много заказали, – он взглянул на табличку с именем на краю стола. – Вы Куини?

– Да.

– Красивое имя для красивой девушки!

– Ну ладно, спасибо за доставку, отсюда мы уж сами, – громко сказал Кингстон и поставил увесистую коробку мне на стол, рядом с мизинцем курьера. Парень не двинулся с места, и Кингстон подчеркнуто обратился к нему: – Всего вам доброго.

И скупно улыбнулся сжатыми губами.

Курьер кивнул мне и пошел к двери. Кингстон проводил его недобрым взглядом.

Я бы распекла его за непонятное поведение, но мне не терпелось открыть коробку. Выдвинув верхний ящик, я заша-

рила в нем в поисках ножниц.

– Как ты здесь что-то находишь? – удивился Кингстон, опираясь на коробку.

– Это мой ящик со всякой всячиной.

– Здесь же полный беспорядок!

– У нас с этим ящиком много общего, – пробормотала я, наконец отыскав нужное. – О! – торжествующе воскликнула я, извлекая ножницы для рукоделия, которые хоть ребенку отдавай. Отодвинув Кингстона с дороги – он так и стоял возле коробки, – я попробовала прорезать скотч закругленными концами. Таким фокусам ножницы обучены не были, поэтому я начала ковырять клейкую ленту с краю. К сожалению, мне мешало волнение (причина стояла рядом, наблюдая, как я воюю со скотчем), да и ногти у меня короткие.

– Разреши тебе помочь? – осведомился Кингстон, подавая на ладони канцелярский нож.

– И отчего я не удивлена, что ты ходишь с ножом? – Я цапнула ножик и с десятой попытки выдвинула лезвие (огрызками ногтей не очень удобно что-то выдвигать). Наконец мне удалось прорезать скотч, и я, отогнув клапаны коробки, запустила руку внутрь, раздвигая пальцами упаковочные гранулы. Белые «орехи» посыпались мне на стол, когда я вытащила наконец коробочку и восторженно запищала: – Ты спасешь мои глаза и рассудок! – Расцеловав коробку, я прижала ее к сердцу.

Густой смех Кингстона напомнил мне, что я не одна и что

он видит, как я целуюсь и разговариваю с неодушевленным предметом. Я обернулась, готовая ему надерзить, но слова замерли на языке.

Потому что Кингстон широко улыбался, и это ему невероятно шло. Крошечный уголок одного из передних зубов у него отколот, и это маленькое несовершенство добавляло Кингу очарования. И сексуальности.

Ну и, разумеется, в этот момент всплыло воспоминание для взрослых – я уже видела у него эту улыбку, когда Кингстону удалось доставить мне не один, а три последовательных оргазма своим невероятно умелым ртом.

Наши взгляды скрестились, и мгновенно возникшее непонятное магнитное поле не давало отвести глаза. Улыбка Кингстона стала меньше, а изо рта показался кончик языка, обведя зуб со щербинкой.

– У тебя все в порядке? А то мне показалось... О, Кингстон! Привет! – разрушил чары папа. – Это еще что? – спросил он, указав на огромную коробку, занимавшую половину секретарского стола.

– Помнишь, я на днях спрашивала, сколько заложено у вас в бюджете на новые технологии?

– Э-э-э...

– Ты еще ответил, что понятия не имеешь, надо спросить у Алекса, – напомнила я (я нарочно подошла к папе с этим разговором, когда он был занят).

– А, да, вроде было что-то такое.

– Ну так вот: оказалось, что в бюджете вполне приличная статья на внедрение технологических новинок, а у Алекса масса нужных связей после рекламных кампаний с его участием. Короче, мне удалось заказать планшеты для всей сборной с огромной скидкой. От нас требуется только вставить хештег производителя в несколько постов в соцсетях. Скажи, супер?

– Гм... Ну да, наверное, – папа почесал в затылке и беспомощно взглянул на Кингстона. – А зачем нам планшеты для всех игроков-то?

– Потому что ты тратишь чересчур много бумаги. В твоём офисе просто кладбище целого леса, и всякий раз, как у вас сбор команды, мне приходится делать миллион копий. А почерк у твоих хоккеистов хуже, чем у дошколят! – я повернулась к Кингстону: – Кроме тебя. Вот у тебя почерк просто образцовый.

– Спасибо, – Кинг заулыбался, и в мозгу у меня на секунду закоротило.

– Пожалуйста, – задыхаясь, с трудом ответила я. – Короче, как только я все документы переведу в формат *PDF*, парни смогут заполнять любые анкеты и формы с планшетов, и мне не придется ничего вводить вручную. Это сэкономит мое время, спасет рассудок и сохранит минимум одну рощу. Теперь ты понимаешь, чему я радуюсь?

– Но это же масса работы, и разве тебе не придется учить наших ребят пользоваться планшетами? Да и меня, я ведь не

знаю, как к ним подойти...

Я видела, что папа начинает паниковать.

– Честное слово, это проще простого, я найду тебе инструкцию, а для хоккеистов могу хоть видео сделать. Я тебе все подробно объясню, пошагово. Ты же работаешь с целой командой кинестетиков, а с планшетами все станет интерактивным и куда доступнее!

– Вообще-то идея прекрасная, – подал голос Кингстон. Не то решил прикрыть мне задницу, не то правда одобрял планшеты. В любом случае я осталась благодарна за поддержку.

– Лу-Эллен, конечно, была хорошей помощницей и очень приятной дамой, но, пап, ты будто застрял в 1999-м, а остальной мир ушел вперед на два десятилетия. Сейчас перемены могут показаться тебе радикальными, но ты сам увидишь, насколько легче станет жизнь с планшетами!

– Ну ладно, – папа с шумным вздохом кивнул. – Если ты так считаешь, тогда я в игре... если только планшеты не будут в ущерб твоим прямым обязанностям.

– Не будут, клянусь!

Папа посмотрел на Кингстона.

– Ты ко мне?

– Нет-нет, сэр, я помогал Куини. Мне уже пора идти, – Кинг показал на дверь и сделал шаг к выходу. – Увидимся завтра. На тренировке. Хорошего вечера. До свидания, Куини, – он неловко помахал мне, густо покраснел и вылетел в коридор.

Папа приподнял бровь.

– Похоже, парень сражен твоими чарами!

Я фыркнула (получилось похоже на хрюканье).

– Он же образцовый бойскаут Америки! Пусть лучше ищет девочку-скаута, себе под стать.

– Противоположности притягиваются, – туманно обронил папа. Зная отца вдоль и поперек, я почувствовала ловушку.

– Намекаешь, что я не сгожусь в командиры отряда девочек-скаутов?

– Скорее уж в главари повстанцев, – с улыбкой отозвался папа. Я засмеялась, потому что он попал в точку.

– Очень уж он правильный. Ты свою сборную сразу предупредил не глядеть в мою сторону, а на Кингстона можно положиться, как на каменную стену.

В этом отношении скорее я – слабое звено. Будучи табу друг для дружки, мы с Кингом с огромным трудом подавляли взаимное влечение, и Райан Кингстон справлялся с собой куда лучше, чем я.

Глава 7

Финти и обводи

Куини

За несколько недель я привыкла к новому графику. Утром я делала себе и папе тосты с яичницей и авокадо, и за завтраком мы намечали планы на день.

Я печатала служебные записки, договаривалась о встречах, отвечала на электронные письма – и изучала статистику сборной всякий раз, как выдавалась минутка. Почти доучившись на психотерапевта, я улавливала определенные закономерности, и это занятие доставляло мне истинное удовольствие (мне нравится анализировать информацию).

Когда мы вступили в цифровую эру, работать стало гораздо легче. Я по-прежнему делала для папы бумажные копии, но мы губили лишь несколько деревьев, а не целый лес. Папа сперва неприязненно отнесся к моим новшествам, но вскоре убедился, насколько все упростилось, и смягчился. А у меня появилось время и на другие дела, помимо бесконечных бумажек.

Окунувшись в мир хоккея, я несколько раз посещала предсезонные тренировочные сборы. Понаблюдав за парня-

ми на льду, я прониклась к ним новым уважением, настолько они себя не щадили. Теперь понятно, откуда у Кингстона нечеловеческая выносливость и гибкость.

Нам кое-как удавалось общаться в платоническом ключе — Кингстон держался неизменно вежливо, прилично и всякий раз краснел при встрече.

Я хотела бы здесь написать, что обходила Кингстона за милю, но это неправда. Я со странным удовольствием смотрела, как он теряется и что-то говорит бессвязно и сбивчиво, потому что это разительно отличалось от ночи, которую мы провели вместе. Я пока не поняла, какая версия Кингстона аутентична. Или это две стороны его личности?

Сегодня у них тренировка на льду, поэтому я прихватила ноутбук, служебную записку, которую составляла, и расписание на следующий месяц. Скоро начнутся товарищеские матчи, а пока у меня есть возможность посмотреть, не спалившись, как Кингстон стоит на воротах. Куда ни глянь, сплошная выгода.

Топот маленьких ножек и радостный высокий голосок привлекли мое внимание. Я поглядела на скамейку запасных и улыбнулась, глядя, как мокрый от пота Рук покрывает личико сына поцелуями. Сестра Боумена, Стиви, частенько заезжала на арену в последние две недели. Ее трудно не заметить, при голубых-то волосах. Она сразу стала со мной на дружескую ногу и охотно разговаривала. Со Стиви мне было легко.

– Папа, хатит! – Коди отпихивал отцовы щеки, заливаясь смехом. Стиви Боумен, которая еще и жена Бишопа Уинслоу (интересная какая-то динамика у этих хоккеистов), была занята мужем. Бишоп притянул ее к себе для поцелуя для взрослых, и Стиви вела себя совсем как Коди – со смехом отбивалась.

– Прекрати тискать мою сестру, Уинслоу! – возмутился Боумен.

– Никого я не тискаю, я здороваюсь со своей женой! – Бишоп рассмеялся, подмигнув Стиви.

Боумен отпустил Коди, и как только малыш увидел меня, его глазенки загорелись. Он козленком заскакал по ступенькам и, топоча, радостно подбежал ко мне.

Кингстон, молча наблюдавший за происходящим, проводил Коди взглядом. Наши глаза встретились, и угол его рта изогнулся вверх, прежде чем Кингстон отвернулся, привычно зарумянившись: сперва залилась краской шея, а потом заалели кончики ушей.

– Кини! – Коди забрался на сиденье рядом со мной и встал, чтобы меня обнять. Удивительно прелестный ребенок – мамины темные волосы и отцовские глаза, плюс фирменная боуменовская ямочка на щеке. Просто невозможно не влюбиться в это живое очарование!

– Привет, Коди. Как я рада, что и ты сегодня тут!

– Тетя Иви меня п'ивезла смотреть папину т'енировку, потому что мама спит. Она устала, мой б'ат всю ночь у нее в зы-

воте прыгал! – Коди похлопал себя по пузику. – Я уже большой, мне спать не надо!

– Точно?

– Угу, – он кивнул. – Мама гово'ит, у меня б'ат будет ак'обатом. А я буду иг'ать в хоккей, как папа! – Коди гордо выпятил грудь. – Папа говорит, если я хочу быть хоккеистом, надо доедать все овощи, но я люблю только куку'uzu.

Я потербила губу.

– Н-да, это нелегко, но твой папа прав: надо есть овощи, чтобы вырасти большим и сильным, как он, – и я пожала бицепс Коди.

Мальчуган сморщился.

– Не люблю б'окколи! – и шепотом добавил: – Когда никто не смот'ит, я ее Б'уту отдаю.

– Брут – твоя собачка?

Коди снова лукаво улыбнулся и добавил, хихикая:

– Тогда у него какашки пахнут тухлыми яйцами!

– Это что тут у нас происходит? – Стиви пощекотала его под мышками, и Коди восторженно запищал. – Привет, Куини! Как дела?

– Хорошо. Что, снова тетей работаешь?

– А то, – она заулыбалась. Коди сполз с сиденья и потопал вниз, ближе к арене, а Стиви подсела ко мне. – Он только и говорил по дороге сюда, что о тебе. По-моему, он считает тебя настоящей королевой.

Я рассмеялась и убрала сумку под сиденье.

– Надо будет в следующий раз прийти в короне. Предупреди, когда снова его привезешь.

– О, это будет бесценно!

– Как Лейни себя чувствует? – Я несколько раз видела же-
ну Рука. Они с невесткой во многом антиподы – Стиви бой-
кая и общительная, Лейни тихая, замкнутая и задумчивая,
но мне импонируют обе.

– Нормально, но малыш ночью что-то разошелся, и она не
выспалась. Да еще и этот, – Стиви кивнула на Коди, – решил,
что поиграть в хоккей в своей комнате в пять утра – хорошая
идея. У меня первые пациенты сегодня ближе к вечеру, вот
я и решила увезти Коди на пару часов. А Лейни пока поспит.

– Это очень любезно с твоей стороны.

Стиви пожала плечами.

– Так я с племянником побольше пообщаюсь, и с братом
попикируюсь, и за мужем понаблюдаю в его родной стихии.
Сплошное удовольствие – и в одном месте, – она подмигнула
и указала на лед, где хоккеисты отрабатывали элементы. –
А ты какое исследование сегодня проводишь?

– В основном смотрю, как игроки взаимодействуют, кто
на кого надеется, какие хоккеисты с ходу понимают своих
товарищей, кто самый быстрый, кто самый результативный
и как это согласуется с личной статистикой.

– Неудивительно, что отец взял тебя в помощницы. Ты
просто дока в хоккее!

Я пожала плечами.

– Я в детстве много времени проводила на трибунах. Потом уже меньше... – «Потом» я несколько лет видеть не могла хоккей, сторонилась его как чумы и только недавно поняла, насколько соскучилась. – Но я знаю, что делает хоккеиста хорошим игроком и как перестановка может усилить или ослабить линию.

– Ты говоришь дельные вещи. Когда Бишоп перевелся в Сиэтл, его сперва поставили в защиту...

– Да ладно?! Зачем им это было надо? Бишоп и Рук приносят команде больше всего очков!

– Ну, Бишоп крупный, вот руководству и показалось – находка для защиты...

– Ну и ну... – Я прокрутила в голове список игроков. – А Рука с Бишопом когда-нибудь в одну пятерку ставили?

– Нет. По крайней мере, я не застала. А что? – Стиви вынула из сумки мятные леденцы, бросила один в рот и протянула пакетик мне.

– Так, просто любопытно. Я понимаю логику руководства и желание усилить и защиту, и нападение, но если бы Бишоп и Рука соединить и поглядеть, что это даст...

– Ну, если они не поубивают друг друга клюшками, может получиться интересно.

– А что, есть такая вероятность?

Я видела, как они препираются – хуже, чем дети из-за игрушек.

Стиви дернула плечом.

– Фифти-фифти.

– Ну, в крайнем случае хоть поприкалываемся...

Некоторое время мы сидели молча, наблюдая за игроками и отмечая, кто больше делает передач, кто в самой безошибочной форме, кто не боится рисковать и кто самый меткий. Я спохватилась, что пристально слежу за Кингстоном, хотя интересующие меня игроки как раз атаковали ворота. Сегодня Кинг пропускал гораздо больше шайб, чем обычно, судя по его официальной статистике. Вот и еще одна шайба влетела в ворота, на этот раз между щитков вратаря. Кингстон забросил перчатку на сетку и потер затылок, явно раздосадованный. Бишоп подъехал к нему и положил руку на плечо – видимо, узнать, что происходит.

– Что сегодня с Кингом, не пойму! Болтается в воротах, как... цветочек в проруби, – смягчила свои слова Стиви, хотя Коди нас не слышал.

– Обычно он гораздо ловчее, – согласилась я.

– И вообще не отвлекается. Ты часто приходишь на тренировки?

– Вообще не прихожу. Но мне легче сопровождать отца, чем бегать из офиса на ледовую арену, если возникнет срочный вопрос. Во время тренировки папа не отвечает на СМС и письма.

Стиви побарабанила по губе.

– Любопытно.

Мне бы смолчать, но я совершенно не умею сдерживаться.

– Ты о чем?

– Кинг все поглядывает сюда, а я на сто процентов уверена, что интересую его не я.

Я попыталась не смотреть на Кингстона – и не смогла. Стиви права, он пялился на меня. Вот и еще одну шайбу прохлопал, пока обнимал стойку ворот.

– Ты глянь, какой он красный! У него на тебя стоит, что ли? – громко спросила Стиви, подтолкнув меня в бок.

– Что?! Ты что! Говори тише. – Я низко нагнулась, притворившись, что читаю что-то в ноутбуке. Это бы прокатило, если бы ноут не лежал закрытым у меня на коленях.

Мы сидели практически над скамейкой запасных, и пусть снаряжение сейчас поправляли всего двое хоккеистов, отец сидел именно там. Не хватало, чтобы он услышал наш разговор!

– О господи, да ты на него запала! Что между вами? – Непонятно отчего оживившись, Стиви схватила меня за локоть.

– Ничего! Между нами ничего нет, и давай не будем муссировать эту тему.

Стиви изогнула русую бровь.

– Гонишь!

– Думай что хочешь, но внутренняя политика запрещает персоналу встречаться с хоккеистами, поэтому между нами реально ничего нет.

Лицо у меня горело огнем.

– С каких пор?

– С таких, что я работаю у отца!

– Ого, тут явно кроется целая история!

– Целый десяток, но не сейчас же! – Я кивнула на скамейку, возле которой стоял отец, скрестив руки на груди.

– Ну ладно, – усмехнулась Стиви. – Не сейчас так не сейчас.

Я не успела ответить – на арене вдруг зазвучали звонкие детские голоса. Оглянувшись, мы увидели Вайолет, жену Алекса Уотерса, которая спускалась по трибуне с двумя детишками. Я ее однажды уже видела, но в тот раз с ней были только старшие сыновья, а сейчас она вела двоих малышей, на вид помладше Коди, державшихся за руки.

– Спускайся до конца, Ривер! – велела Вайолет, но Ривер, поравнявшись с нашим рядом, повернул к нам, потянув за собой сестренку-близнеца. Девчушка уперлась и покачала головой.

Вайолет потрепала ее по головке:

– Все нормально, Лаванда, ты же знаешь Стиви-Радугу!

Рыжеволосая девочка сунула пальцы в рот. Вайолет присела на корточки перед дочкой, что-то ей прошептала, и та наконец последовала за своим братишкой по проходу, держась сзади за его рубашку.

– Лаванда смущается чужих, – объяснила Стиви.

– Какая прелестная девочка!

– Этого не отнять, – согласилась Стиви.

Малыш остановился перед ней.

– Привет, Иви.

– Привет, Ривер, привет, Лаванда. Вот хорошо, что вы пришли посмотреть на игру!

Лаванда выглянула из-за брата и робко помахала, поспешно спрятавшись снова.

– А потом мы за мороженым пойдем, – он перевел на меня серо-зеленые глаза и протянул крошечную ручонку: – Я Ривер Уотерс, мой папа тренер. А это моя сестра Лаванда, она стесняется.

Судя по уверенной манере, это было его стандартное приветствие. Малыш говорил удивительно хорошо для своего возраста. На последней фразе он отступил в сторону, но сестренка повторила его движение, оставшись за его спиной.

Я ответила на приветствие, поразившись силе хватки маленькой ручонки.

– Очень рада познакомиться с вами обоими. Я Куини, мой папа генеральный менеджер. Он работает с вашим папой, и я тоже.

Лаванда выглянула из-за спины братика, уставившись на меня большими голубыми глазницами. Она потянула брата за рукав, Ривер подался к ней, и она что-то ему прошептала. Малыш нахмурился и отрицательно покачал головой, но Лаванда дернула его за рукав и кивнула.

– Ты королева льда?

Я засмеялась.

– Нет, но это была бы интересная работа!

– Хотите, присядьте. Лаванда, у меня твоя раскраска, – Вайолет похлопала по свободному месту рядом с собой.

Лаванда потянула брата за руку.

– Мы должны посесть, – сообщил он мне и позволил сестре увести себя к маме. Близнецы уселись вдвоем на одно кресло. Ривер помог сестре распаковать ее рисовальные принадлежности и, не дожидаясь просьб, подавал ей цветные карандаши по одному, будто зная, какой цвет она захочет следующим.

– Прелестные дети, – сказала я Вайолет.

– Спасибо. Не попадитесь на Лавандину удочку – когда привыкнет, все уши вам отболтает. Верно, Ривер?

– Верно, – серьезно кивнул Ривер.

Лаванда сердито поглядела на братишку и что-то ему прошептала. Он повернулся ко мне.

– Она говорит, с новыми друзьями у нее голос пропадает.

– Нет ничего плохого в том, чтобы побережь слова для важных людей, – сказала Вайолет. – Ваша бабушка говорит, я точно такая же в детстве была. Не помню, отчего и когда я изменилась, но вот бы мне удавалось держать рот закрытым вместо словесного поноса, который прихватывает меня в минуты волнения, то есть девяносто пять процентов всего времени... – Вайолет уселась рядом со Стиви и показала на арену: – Ну ладно, хватит о грустном. Что, любуетесь красавцами?

– Ну, жаловаться нам точно не приходится, – Стиви улыбнулась. – Скажи, Куини?

– Угу, – пробормотала я, стараясь не смотреть на Кингстона. Всякий раз, как я нечаянно на него поглядывала, он глазел прямо на меня.

Минут двадцать в аналитическом плане от меня было мало толку, потому что меня втянули в разговор о предсезонных матчах и игроках, вызывавших беспокойность.

– Господи, что сегодня творится с Кингом? – поразилась Вайолет. – Третью шайбу пропускает с тех пор, как я пришла!

Я подтолкнула Стиви в бок, чтобы помолчала насчет своих гипотез.

– Он не может сосредоточиться на игре.

– И впрямь. Может, ему молоко на «Ред булл» подменили? Каждые пять секунд косится в сторону скамейки. Ему Алекс выговор сделал или что?

– Кто его знает? – Стиви пожала плечами.

– Будем надеяться, что с началом сезона он так лажать не станет, иначе их и защита не спасет, – пробормотала Вайолет.

Мне очень хотелось заступиться за Кинга, но это вызвало бы подозрения, поэтому я, как Лаванда, не раскрыла рта.

Когда после тренировки игроки расходились с арены, папа с Алексом подошли к Кингстону. У них произошла очень короткая беседа, на протяжении которой Кинг кивал и по-

стоянно потирал затылок. Вскоре и он скрылся в коридоре, ведущем к раздевалке.

Лаванда и Ривер аккуратно складывали карандаши в коробку.

– Когда я была маленькой, я тоже так делала.

Дети замерли и подняли на меня глаза. Впервые я заслужила потеплевшее выражение личика Лаванды. Девочка очень походила на мать, только глаза были пронзительного светло-голубого, как лед, цвета. Я показала на коробку, лежавшую у нее на коленях:

– Я всегда складывала карандаши так, чтобы получилась радуга. Папа ужасно сердился, потому что я долго возилась. Он не понимал, как важно каждому карандашу оказаться на своем месте.

Я подмигнула, и прелестная, хоть и лукавая улыбка осветила лицо Лаванды.

Собрав свои драгоценные карандаши, Лаванда и Ривер аккуратно сложили все в рюкзачок, кроме раскраски, которую девочка прижимала к груди.

Мы остановились у автоматов. Близнецы выбрали себе лакомства, потом вставили в щель монетки и нажали на кнопки. Лаванда с восторженной мордашкой выбрала себе разноцветных леденцов и заворуженно смотрела, как разворачивается фольга. Прежде чем им разрешили открыть лакомства, дети обтерли ручонки санитайзером.

– А вот моя красавица жена и прелестные дети! – Алекс

нагнулся и подхватил Лаванду на руки. – Ну что, весело было?

Лаванда запищала и засмеялась, когда Алекс звонко целовал ее в щеки. Она выпустила раскраску из рук, но альбом не долетел до пола, перехваченный твердой рукой вратаря сборной.

– Отличный сэйв, Кинг, – похвалила Вайолет.

– Благодарю вас, мэм, то есть миссис Уотерс... то есть Вайолет... – Он повернулся к Лаванде и улыбнулся ей такой улыбкой, от которой у меня трусы чуть не растаяли: – Вы уронили что-то важное, мисс Лаванда?

Девочка кивнула и зарылась личиком в папину шею, но вскоре повернула голову и не без кокетства улыбнулась Кингу, протягивавшему ей альбом.

Малышка взяла раскраску и снова прижала к груди, не переставая улыбаться.

– Что надо сказать, Лаванда? – тихо подсказал Алекс.

Спустя несколько секунд девочка еле слышно проговорила «Пасибо» самым милым голоском, какой я слышала в жизни.

– Умница, – сказал Алекс и поцеловал дочку в щеку, прежде чем поставить на пол. Лаванда тут же убежала к брату, и они взялись за руки. Ривер недовольно нахмурился на Кингстона, что выглядело невероятно умилительно.

– Привет, Стиви, – Кингстон неловко приподнял руку и медленно, почти нехотя обратился ко мне: – Здравствуйте,

Куини. Мне очень жаль, что вам пришлось стать свидетельницей моей никудышной сегодняшней игры... – Он сунул руки в карманы и густо покраснел.

Алекс взял его за плечо.

– Всего лишь первая тренировка, Кинг, рано беспокоиться. Ты к Джейку?

– Да, сэр, – ответил Кингстон, глядя в пол.

– Не суди себя строго, у каждого бывают плохие дни, – заверил Алекс.

– Но только не в день встречи с другой командой, – и Кинг учтиво кивнул всем нам: – Приятного вечера, леди.

И быстро пошел по коридору, ведущему к кабинету моего папы. Который, по совпадению, находится в смежном помещении с моей секретарской.

Стиви и Вайолет многозначительно переглянулись. Вайолет усмехнулась.

– Надеюсь, мы увидим тебя в среду в нашем ночном киноклубе?

– Что за клуб?

– А это куда жены и подруги игроков нашей сборной приходят кино поглядеть. Вроде книжного клуба, только работы меньше, а зрелищ больше.

– Я же не жена и не подруга хоккеиста.

– Это пока, – улыбка Вайолет стала шире.

– Ну ладно, там увидим, – и я громко хлопнула в ладоши, напугав саму себя. – Мне там нужно еще допечатать, я по-

шла!

И, совсем как Кингстон, я чуть не бегом припустила по коридору.

– Ты давай отменяй свои планы на среду! – крикнула мне вслед Вайолет.

Качая на ходу головой, я ворвалась в офис. Кингстон не может на меня взглянуть, не покраснев как свекла, а я не собираюсь нарушать неписаное правило «не крутить с хоккеистами».

Шел уже шестой час, рабочий день закончился, но я не хотела уходить, не убедившись, что больше я отцу сегодня не нужна. Однако дверь в его кабинет была закрыта, и стучать я не собиралась – ведь у него там Кингстон.

Пока длилось ожидание, я почитывала имейлы и вносила в ноут свои наблюдения за игроками. Ожидание затягивалось, и под ложечкой у меня возник нехороший холодок. По спине потекла струйка пота.

Ерунда какая-то. Почему я вообще так волнуюсь? Кингстон – просто парень. Ну, разделись мы с ним догола, подумаешь! Ну, побывала во мне его головка, так ведь случайно! Почему я не могу перестать думать о Кингстоне, хотя с той ночи прошло больше двух месяцев? Почему меня зацепило, что он любит детей? Отчего эта мысль лишь усилила мое влечение?

Разобравшись с имейлами, я убедилась, что все сегодняшние документы сохранены, и закрыла ноутбук. Я убирала его

в сумку, когда дверь папиного кабинета распахнулась.

– Милая, а я и не знал, что ты еще тут! Забыл сказать тебе, чтобы шла домой, когда тренировка закончится.

За папиной спиной маячил Кингстон – его взгляд метался по сторонам, отскакивая от меня, как шарик для пинг-понга, чтобы вернуться секундой позже.

– Ничего, мне все равно надо было проверить почту и сделать кое-какие записи. Ты готов идти?

Папа поморщился.

– Уф, вообще-то у меня еще остались кое-какие дела...

– А, о'кей, я подожду.

– Зачем же, вызови себе «Убер».

– А, э, ну ладно. Сейчас вызову.

– Вот и отлично, – и папа положил руку на плечо Кингстону: – Помни, что я сказал. Не загоняй себя, сынок.

– Да, сэр.

– И сегодня не перенапрягайся, а то ты какой-то красный весь...

На этом папа скрылся в кабинете, оставив меня наедине с Кингстоном.

Как обычно, Кинг взглянул на меня, сразу же отвел глаза и принялся густо краснеть. Сунув руки в карманы, он покачался на каблуках и выдал:

– Я могу отвезти тебя домой.

– Зачем же тебе делать крюк, я такси вызову, – отозвалась я, опуская ноутбук в большую сумку.

– Мне нетрудно, да и «Убер» не всегда лучший выбор. Я очень аккуратный водитель.

– Не сомневаюсь. – Я забросила сумку на плечо и направилась к выходу. Кингстон нагнал меня и пошел сзади.

– Так я могу тебя подвезти? – спросил он, когда мы вышли на парковку. – Как друг?

– Ну, наверное, да.

Два человека, интимно знакомых друг с другом и старающихся друг друга избегать, – это не совсем категория друзей, но Кингстон, кажется, настаивал, и я рассудила, что один раз он вполне может отвезти меня домой.

– Отлично! Договорились. Я тебя прокачу!

Я прикусила язык, чтобы не сострить над нечаянным сексуальным подтекстом слов Кингстона.

Глава 8

Друг женского пола

Кингстон

Я повел Куини к моему автомобилю. Я уже пару недель чувствовал себя идиотом из-за того, что проследил за ней до дома в первый день. Всякий раз, как я видел Куини, язык будто прилипал к гортани, и я вспоминал недозволенные вещи, которые я с ней делал. Предложение подвезти показалось мне отличным способом сгладить неловкость. Я отпер замки и подошел к правой дверце, чтобы открыть ее для Куини.

Вытерев потную ладонь о штаны, я подал руку.

Куини недоуменно поглядела на нее.

— Я хотел тебе помочь.

— А-а... Спасибо? — это прозвучало почти вопросительно, будто Куини удивило мое предложение помощи.

Она положила пальчики в мою ладонь, отчего до локтя по руке побежали щекотные мурашки. Спину словно облили кипятком, и другие, неудобосказуемые, части моего тела отреагировали так, как не годится реагировать на краткий контакт, пока Куини садилась в мой паркетник. Я подождал, по-

ка она усядется, и торопливо обогнул капот «Вольво», напоминая своему организму, что сейчас не время возбуждаться.

Я мысленно твердил это себе, усаживаясь за руль, пристраивая мобильный в гнездо на приборной доске, проверяя зеркала и заводя мотор. Я опустил стекла, потому что салон наполнился запахом Куини, и хотя я безумно люблю этот запах, он дурманил мне голову.

Включив поворотник, я поглядел в обе стороны, выехал со своего места и направился к воротам.

– Наверное, мне не надо говорить тебе, где я живу? – невинно спросила Куини.

Горячий румянец – на этот раз неловкости – поднялся у меня до затылка и распространился на щеки.

– Прости, что я так поступил. Я не сообразил, что еще можно придумать, а нам срочно требовалось поговорить.

– Кинг, да я тебя подначиваю! Не извиняйся.

– А, понятно. О'кей. Но мне до сих пор стыдно, – я приглушил радио, чтобы не мешало разговору, включил поворотник и свернул в сторону дома генерального менеджера.

– Да все нормально! – Куини расстегнула пуговицу своего кардигана и стянула его. Под кардиганом оказалась безрукавка. С кружевными вставками.

– Включить кондиционер? Тебе жарко? – спросил я ломающимся, как у подростка, голосом.

– Нет, мне хорошо, – она полностью опустила стекло и пристроила локоть на край окна. – Ты всегда так водишь?

– Как – так?

Она указала на мои руки:

– Будто на права сдаешь.

– Положение рук, соответствующее часовым отметкам 3 и 9, является наиболее надежным. В случае аварии так меньше риска сломать пальцы, если сработает подушка безопасности.

А еще стискивание руля помогало бороться с острым желанием заправить розовую лямку ее бюстгалтера под безрукавку.

– Буду знать, – Куини указала на спидометр: – Осторожно, ты превышаешь скорость!

Я взглянул туда и увидел, что еду на пять миль быстрее разрешенного. Я снял ногу с педали газа и поехал, как полагается.

– Я пошутила, – Куини скрестила ноги и развернулась ко мне. – Тебе хоть раз штраф за превышение выписывали?

– Нет, я аккуратно вожу.

– Да, я это вижу.

Мы подъехали к светофору, когда загорелся желтый. Я снизил скорость, не желая рисковать и проезжать перекресток на красный свет. Сзади недовольно засигналила машина, и одновременно запищал будильник на моем телефоне.

– Ты ставишь будильник на ужин?! – поразилась Куини, взглянув на экран.

– Мне нужно часто питаться, и звуковое напоминание

весьма полезно, особенно в начале сезона или в поездках. Иначе могут быть накладки – тренироваться на полный жеудок не слишком эффективно.

Вообще я не прикасаюсь к телефону, когда я за рулем, но мы стояли на светофоре, и я выключил будильник.

– А, тогда понятно. Вы, хоккеисты, наверняка постоянно голодные, учитывая, как вы себя изнуряете, – отозвалась Куини.

– Я стараюсь есть через каждые два-три часа.

– Или целый час без перерыва, – пробормотала она.

– О чем ты?

– Ни о чем. – Она порозовела гуще моего, и я не сомневался, что ее ремарка относилась к нашей совместной ночи. – Если тебе надо остановиться и купить поесть, не стесняйся.

– А ты голодна? Мы можем поесть вместе.

– С твоей стороны любезно предложить, но это, пожалуй, не лучшая идея.

– Отчего так?

– Это будет слишком похоже на свидание.

– Друзья же могут поужинать! Мы с Бишопом постоянно едим вместе.

– Да, но с Бишопом ты никогда не терся этими местами... – Куини с размаху зажала рот ладонью. – Извини, не знаю, как у меня вырвалось.

Я вцепился в руль, стараясь подавить нежелательные воспоминания.

– Я могу отвезти тебя домой, если хочешь.

– Прости, Кингстон, я не хотела усугублять неловкость. Давай действительно возьмем что-нибудь поесть. Как друзья.

Я посмотрел на нее.

– Точно?

– Точнее не бывает. Ведь это поможет нам преодолеть оставшуюся неловкость?

– Безусловно. – По крайней мере, я на это надеялся. – Что ты скажешь насчет стейк-хауса?

– Скажу, что это хорошо. А ты что о нем скажешь?

– Я тоже положительно отношусь к стейк-хаусам.

Я включил левый поворотник, поменял полосу, сбросил скорость, готовясь поворачивать, и поехал прочь от дома Куини к своему любимому ресторану. Заведение достойное, но простое, так что ужин не имел права чересчур напоминать свидание.

Да только вот нас проводили за отдельный столик в уютной нише в конце зала.

Наш официант, молодой человек лет двадцати пяти, подвинул Куини стул. Это должен был сделать я, но наглец меня опередил.

– Что будете пить? Желаете взглянуть на нашу винную карту?

– Не надо, – отозвалась Куини. – Мне рутбир.

– А вам, сэр?

– А мне большой бокал молока. Двухпроцентной жирности, пожалуйста, если есть. – Дождавшись, пока официант отойдет, я вновь повернулся к Куини, сидевшей с таким видом, будто она вот-вот расхохочется. – Что? – спросил я, вытирая подбородок (может, у меня там что-нибудь прилипло).

– Ты правда будешь молоко?!

– Да, я выпиваю по стакану за каждым приемом пищи.

Куини поставила подбородок на кулак.

– Я в детстве тоже так делала – папа заставлял.

Она широко улыбалась, явно высмеивая меня, но я привык к подколкам. После подначек парней из сборной мне уже ничего не страшно.

– У меня чувствительный желудок, а молоко его обволакивает перед плотной едой. Оно полезно для костей, в нем много кальция, есть основные витамины и минералы, а еще молоко – хороший источник белка, – объяснил я.

Куини рассмеялась, но прикусила губу.

– Да я дурачусь! По-моему, это очаровательная привычка.

– Очаровательная?

– Ага, – она подалась вперед. – Ты знаешь, что ты интересный парень?

– Потому что регулярно пью молоко?

– Потому что ты – это ты.

– Весьма лаконичное объяснение.

Официант вернулся с рутбиром для Куини и моим стаканом молока. Мы заказали еду: я – легкоусвояемую кури-

цу с пастой и зеленым салатом, чтобы ни одна группа пищевых продуктов не испытывала дефицита, а Куини взяла стейк, жареную картошку с трюфелями и салат из овощей. Мне пришлось напомнить себе, что у нас не свидание, а простой дружеский ужин.

Когда официант снова оставил нас одних, я попросил ее пояснить.

– Ты известный хоккейный вратарь, а держишься удивительно скромно и сдержанно.

– Это моя работа, вот и все.

Куини округлила глаза.

– Ага, ага, только зарабатываешь семизначные суммы в год! Многие из вашей сборной всячески выпячивают свою персону, в соцсетях только о них и пишут, а ты... не любишь показухи, что ли. Плюс у тебя имидж удивительно правильного парня, от молока до соблюдения скоростного режима и неизменных поло и слаксов. Почему поло, кстати?

Я провел рукой по груди.

– А что не так со слаксами и поло?

– Да нет, все так, только, если не считать костюма и формы вратаря, я тебя ни в чем другом не вижу.

Взгляд Куини уперся мне в грудь, но поспешно поднялся к лицу.

– Но ведь слаксы и рубашки отчасти формальная, но в целом свободная одежда! – Когда Куини наклонила голову в сторону, я продолжал: – Джинсы бывают неудобны-

ми, а слаксы неизменно мягкие и уместны с любой обувью и в любой обстановке. Если я иду на барбекю, я могу натянуть кроссовки, получится стиль кэжуал, а если в ресторан, как сегодня, выберу лоферы или туфли, и будет почти парадно. – Я выставил ногу, чтобы Куини увидела мои черные начищенные туфли. – Белые рубашки легко стирать – всегда можно добавить в закладку колпачок с отбеливателем и не надо волноваться, что они полиняют или окрасятся.

– То есть дело в удобстве?

– В основном. Однажды я случайно постирал красную рубашку с белыми и достал их уже розовыми. Я как раз участвовал в кампании по борьбе с раком груди в поддержку моей двоюродной сестры, поэтому получилось даже удачно, но вообще цветные рубашки могут создать настоящие проблемы.

– О'кей, дай подытожу. Ты пьешь молоко, потому что у тебя чувствительный желудок, и оно полезное.

– Верно, – отозвался я.

– И носишь слаксы, потому что они удобные, с белыми рубашками, потому что они легче цветных в уходе.

– Тоже верно.

– И ты знаменитый вратарь.

– Не знаменитый.

– Не скромничай, по крайней мере, в мире хоккея тебя всякий знает... – Куини побарабанила по губе. – Сколько серьезных отношений у тебя было?

– А при чем тут это – и мой гардероб, и чувствительный желудок?

– Мне просто любопытно, я стараюсь тебя разгадать. Я же помню, что без одежды ты отнюдь не правильный бойскаут с молоком и в слаксах!

Она дразнила меня, а глаза блестели лукавством и, по-моему, воспоминаниями о той ночи.

– На самом деле я не такой.

– Не такой, и точка, или не такой со всеми, кроме меня?

– Я не... Я это... – замялся я, потому что правда показала бы неуместной, раз мы решили остаться друзьями.

– Прости, я не должна была спрашивать.

– Алкоголь сделал меня более раскрепощенным, – ляпнул я.

– Значит, всему виной внутренний зажим?

Судя по улыбке, Куини по-прежнему поднимала меня на смех.

– Да. Впрочем, я не знаю. Я напивался всего три раза.

Глаза Куини загорелись.

– За всю жизнь?!

– Совершенно верно. В юности у меня был неудачный опыт, который я очень не хочу повторять.

– Тебя напоили на какой-нибудь хоккейной вечеринке в старших классах?

– Гм, не совсем. Скажу лишь, что старший брат послужил для меня не лучшим примером.

И ситуация практически не изменилась за прошедшие годы.

– И все равно это неадекватная реакция – в рот не брать спиртного.

– Отчего же, я могу выпить, но только один бокал, и избегаю крепких спиртных напитков, – объяснил я. – А ты?

– Я принимала много плохих решений, будучи под хмельком, но, в отличие от тебя, неудачный опыт меня ничему не научил.

– Ты говорила, что обычно не едешь домой к случайным знакомым.

– Как видишь, все бывает в первый раз... И раз уж у нас зашел такой откровенный разговор, ты был лучшим из плохих решений, которые меня угораздило принять, – Куини подмигнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.